

Эдуард Аксельрод

ВРЕМЯ УШЛО. ПЕСНИ ОСТАЛИСЬ...

Мозаика одной биографии



ДНЕПРОПЕТРОВСК
2011 г.

**Эдуард Аксельрод.
ВРЕМЯ УШЛО. ПЕСНИ ОСТАЛИСЬ...
Мозаика одной биографии.**

Книга составлена из публикаций разного времени и в различных изданиях. Собранные вместе, они сложились в автобиографическую мозаику.

Эдуард Львович Аксельрод родился в 1934 году в Днепропетровске.

В 1941-м вместе с родителями был эвакуирован в село Никольское Оренбургской области, где жил до 1949 года, до возвращения в родной город.

В 1952 году окончил мужскую среднюю школу № 2, расположенную (и поныне) на пересечении Пушкинского проспекта и улицы Савченко.

В том же году поступил в Днепропетровский металлургический институт имени И. В. Сталина на кафедру «Обработка металлов давлением», возглавляемую академиком Чекомаревым.

После окончания института в 1957 году по распределению попадает на Криворожский металлургический завод в сортопрокатный цех, оснащенный самым современным оборудованием того времени - немецкими непрерывными сортовыми станами. Вальцовщик, мастер, начальник стана - веки его заводской производственной деятельности, которая завершилась в 1963 году переходом на проектную работу в Укргипромез и переездом из Кривого Рога в Днепропетровск.

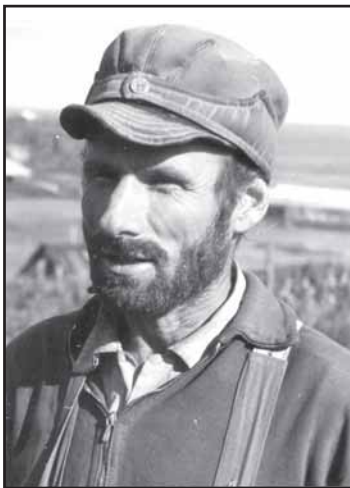
Постоянным спутником его жизни был спорт. Вот основные виды - спортивная гимнастика (участник Всесоюзного парада физкультурников в Москве), туризм (мастер спорта, чемпион Союза, участник и руководитель экспедиций в труднодоступные места Якутии, Камчатки, Саян, Памира, Алтая), альпинизм (неоднократный призер и чемпион Украины в классе высотных восхождений, «снежный барс», совершал первопрохождения на безымянные вершины в разных горных районах).

Автор трех книг («Дороги, которые нас выбирают», «Вершины нашей жизни», «Сенсация, которую не заметили»), повествующих о жизни в горах нескольких поколений днепропетровских альпинистов.

Путешествия и связанные с ними приключения нашли отражение не только в названных книгах, но и в многочисленных публикациях - статьях, рассказах, - напечатанных в различных российских и украинских газетах и журналах.

Особенно плодотворно его сотрудничество с местными газетами - «Днепр вечерний» и «Шабат Шалом».

«Я делаю свою карьеру тем, что не делаю ее вовсе» - эти слова принадлежат поэту Евгению Евтушенко. Они в полной мере применимы и к жизни автора. Он никогда не стремился обойти, опередить кого-то, что-то кому-то доказать. Он просто старался жить так, чтобы не было стыдно за прожитые годы. И ему это удалось.



ОТ АВТОРА

Хочешь, не хочешь, а это время обязательно приходит. Рано или поздно, - к каждому. Время сбора «камней», разбросанных щедрой рукой по разным периодам жизни. Конечно, я - не исключение. Мои «камни» - статьи, очерки, рассказы, опубликованные в различных газетах и журналах. И, слава Богу, есть что собирать.

Первый этап - создание настоящей рукописи. Получилось много. Что-то вроде тома «Войны и мира». Имею в виду объем, не содержание, - иллюзий на этот счет не питаю. Хотя и рассчитываю на позитивную оценку читателей.

Тем не менее, не исключаю и другой, противоположной, точки зрения. Ну, что ж, в этом случае, «говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву». Не стесняйтесь, - не обижусь.

Второй этап - селекция. Сортировка - что включать в сие издание, а что нет. Оказалось, - дело нелегкое. Все написанное - мое. Выстраданное, прикипевшее. Пришлось резать почти по живому. Что-то вроде ампутации без наркоза. Было больно. Но результат определенный достигнут.

Из отобранных публикаций сложился вариант автобиографии. Точнее, ее фрагменты. Хотя, видит Бог, специально к этому не стремился.

Но, - что получилось, то получилось.

НА ЗАПАСНЫХ МАГИСТРАЛЯХ



Вот и дожили мы до времени, когда лысых, седых и еще Бог знает каких «человеков» стали именовать «детьми войны» (Будто в течение прошедших 65 лет мы ими не были!). По каким же причинам такое внимание - и даже льготы!? Думаю, объяснений тут особых не требуется. Участников ВОВ скоро по пальцам можно будет пересчитывать, и на передние рубежи памяти выйдут те, кто в «сороковые роковые» ходил под стол пешком. Несмотря на малолетство, у каждого из них была своя война. Не такая, как у взрослых, но - война. Она «косила» детей не менее безжалостно, чем солдат. И морила повсеместно голодом, морозила уральским холодом, изводила среднеазиатской жарой... И только те, кому удалось увернуться от ее безжалостного ножа, получили право на подобные воспоминания.

ВОЙНА

В сорок первом мне было неполных семь лет. Старшему брату Юре - десять, сестренке Тамаре - около года. Маме Лие («златокудрой Лике», как называл ее папа) и отцу Леве не исполнилось и сорока.

Помню выступление Молотова по радио 22 июня 1941 года. Обитатели нашей большой коммунальной квартиры (в одноэтажном доме на углу улиц Ворошилова и Дзержинского) сгрудились в коридоре, возле черной кар-

тонной «тарелки» репродуктора. Война! Ее ждали со дня на день. И все же ее приход многих застал врасплох. Страшно было, наверное, всем. Кроме одного человека. Этим человеком был я.

ПАПА ЛЕВА

Таким «смелым» я был из-за своего отважного и ужасно просоветского отца, который безоговорочно верил любому официальному слову советской пропаганды. Такие люди, как он, с упоением пели тогдашний хит:

*Мы мирные люди,
но наш бронепоезд
стоит на запасном пути!*

И не сомневались, что, в случае чего, бронепоезд мгновенно переместится на главную магистраль и сметет все на своем пути. Красная Армия всех сильнее! С немцами воевать не страшно. Страшно - с японцами, финнами. Они дикие. Другое дело - немцы. Культурная нация. Впрочем, мы их тут же разобьем, как сокрушили тех же японцев и финнов.

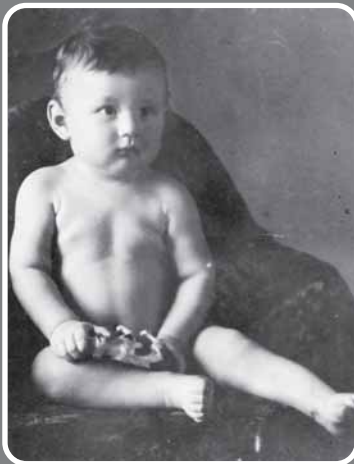
Дословно папиных высказываний я, конечно, не помню. Но мое детское представление о том, что должно произойти после выступления Молотова, держалось на убеждениях главы семейства. Своего рода документальное подтверждение того, насколько он был «правильным» человеком своего времени, я получил совсем недавно: в библиотеке отца, куда не заглядывал Бог знает сколько лет, натолкнулся на небольшую книжку в жестком коленкоровом переплете - «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» (тираж семь миллионов экземпляров, между прочим!). На титульном листе прочитал такую надпись:

«Сыну Эдуарду. Учись у Великого Сталина жить и работать. Будь верен делу Сталина. Папа Лева. 8.1.1949 г.» .

Вот таким он был. И хотел, чтобы таким был и я.

МАМА ЛИЯ

Скорее всего, она разделяла убеждения мужа. Правда, говорила об этом не так часто, как он. Но говорила. Особенно, когда я, повзрослев, выдавал не очень



*Я родился семимесячным.
Был худым и синим.
Бабушка сказала:
«Он не жилец». Ошиблась.
К году жизни я догнал
своих сверстников
по упитанности.
А затем и перегнал...*

лестные характеристики в адрес советской действительности.

- Советское государство, - говорила она, покачивая головой, увенчанной толстой косой цвета мореного дуба, - дало евреям очень много. Кем бы мы были сейчас, если б жили при царском режиме? Сапожниками, как твой дедушка Борис, или безграмотными домработницами наподобие бабушки Эстер. У моих родителей было много детей, и все получили высшее образование. Стали врачами, инжене-

рами, руководящими работниками. Тебе, сыночек, известно об этом не хуже, чем мне. Так что не надо осуждать тех, кто сделал тебе добро.

Я не спорил. Мама была права. Во многих отдельно взятых семьях именно так и было. Об этом не следует забывать. Как, впрочем, и о том, на что она закрывала глаза и не хотела «впускать» в свой дом, - усиливающийся год от года бытовой и государственный антисемитизм, «дело врачей», шельмование «лиц еврейской национальности» в науке, литературе и пр.

ПЕРВЫЕ ДНИ

В моей памяти они неразрывно связаны не с какими-то трагическими событиями, а с запахами прелой земли в примитивных бомбоубежищах - щелях, вырытых во дворах каждого дома. До сих пор помню, как завывали сирены воздушной тревоги, хлопки выстрелов зенитных установок, надсадный рев моторов «мессеров», ночное небо, расчерченное под тетрадь по арифметике пляшущими лучами прожекторов... Впрочем, одно событие запомнилось особенно.

Я легко засыпал в любых условиях. Даже в этой самой щели, в которой однажды провели полночи. Отбой дали под утро. Все начали расходиться по своим квартирам. Двинулось и наше семейство. Мама несла на руках сестренку, а я следовал за ней с закрытыми глазами. Зайдя в квартиру, мама прикрыла за собой дверь, считая, что я уже проснулся и сам ее и открою. Так, собственно, и случилось, - дверь я действительно открыл. Только лбом, со всего размаха. Вполне вероятно, что рев, который я при этом издал, соседи сочли началом нового налета...

ДЯДЯ ПЕТЯ

Чтобы выжить в смертоносном вихре конца августа 41-го, везения или удачи было недостаточно. (Вот только что повезло, а через мгновение - нет! И все кончено.) Нуж-



*Родители
и старший брат*

но было иметь ангела-хранителя, который вел бы тебя по жизни, не давая отступиться. Таким спасителем для всего нашего рода был самый младший брат мамы - дядя Петя. Если бы не он, - тлели бы наши косточки в балке Ботанического сада, вместе со всеми днепропетровскими и евреями, считавшими немцев культурной нацией и не собиравшимися бежать от них Бог весть куда. Не собиралась срываться с наси-

женного места ни наша семья, ни оставшиеся без мужей (уже фронтовиков) мамыны и папины сестры со своими детишками.

Дядя Петя служил в саперных частях, которые перед отступлением Красной Армии должны были заминировать и взорвать стратегические объекты областного центра. До сдачи города оставались сутки. Точнее, одна ночь. Как ему удалось совершить такое, - ума не приложу! На полуторке, в кромешной тьме он объехал полгорода, вытащил из теплых постелей всех родственников, вместе с орущими детьми усадил их в кузов машины и, наконец, впахнул всю эту «мишпуху» в переполненный

беженцами товарняк - последний состав, покидавший осажденный город.

К каким доводам, каким убеждениям прибегал двадцатисемилетний капитан саперных войск Петя, - не знаю. Но то, что он говорил в ту ночь молодым мамам, заставило их чуть ли не полураздетыми, забыв о документах, деньгах, драгоценностях (не забыв лишь, правда, ночные горшки для своих малолеток), подчиниться его воле.

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Никто ничего не знал в этом «путешествии». Куда следует наш вагон-теплушка, предназначенный для перевозки скота, а не двух десятков семей беженцев? Налетят - или нет - «мессеры»? (Накануне точно такой же состав, как наш, немцы разбомбили.) Когда и где будет очередная остановка? (Паузы в движении использовались для поиска продуктов и, прежде всего, кипятка. Взрослые с чайниками и бидончиками наперегонки неслись к станционным строениям, рассчитывая, что там они найдут если и не горячую, то хоть холодную воду. Бежать приходилось достаточно далеко: места отстоя эшелонов с беженцами, как правило, находились на запасных путях. По главным магистралям непрерывным потоком шли на запад составы с людьми и военной техникой, и мы не должны были им мешать.) Остановиться могли и посреди поля, в степи, и на заброшенном полустанке. На мгновение или десять-пятнадцать минут. А то и на полдня. Любая такая пауза использовалась, сами понимаете, для чего: туалетов в теплушках не было. «Уединиться» мож-

но было лишь на рельсах под вагоном. Сигналом к продолжению движения был лязг буферов, который цепочкой передавался от первого вагона последнему, когда паровоз трогался с места. Времени на туалетные проблемы, возникавшие у сотен людей одновременно, хватало далеко не всегда. Кстати, эти самые туалетные проблемы делили беженцев на две касты. «Горшочников» - тех, кто имел для этих целей горшки, и «безгоршочников» - тех, кто их не имел. Первым технических остановок не требовалось. Неудобства возникали лишь тогда, когда приходилось на полном ходу поезда опорожнять емкости. Если добавить к сказанному еще тесноту и духоту в вагоне, жару за его пределами, отсутствие вентиляции, можно легко представить, какая атмосфера существовала в каждом таком случайно сложившемся коллективе. Ссоры и скандалы вспыхивали по поводу и без них. Чаще всего они глушились окриком какой-нибудь сознательной мамы:

- Наши братья и мужья сражаются с фашистами, чтоб нас спасти, а мы из-за мелочей ссоримся. Как вам не стыдно?!

Стыдно становилось ненадолго. После очередного туалетного «упражнения» свара возникала снова.

Да, проблемы быта превалируют над всеми остальными. Везде и всюду. Даже в космосе. Не говоря уже о замкнутом пространстве тесной теплушки.

КРАЙ СВЕТА

Он, оказывается, находился в оренбургских степях. И даже имел конкретный адрес: Чкаловская область (ныне Оренбургская), село Никольское. Там и осел наш эвакуированный «клан». Там, по всей вероятности, он мог и закончиться... Сами судите. Летом тропический зной с пыльными суховеями, зимой - арктический холод с буранами



Бабушка Эстер, мама Лия и мы с братом

и снежными заносами. Растительность - жалкие, скрюченные деревца, едва возвышающиеся над колючим кустарником. Само село - несколько улиц с покосившимися ветхими домишками. Зато речка, которую летом куры переходили вброд, по иронии судьбы называлась... Самарой! (Вспоминая нашу украинскую красавицу-Самару, можно было подумать, что реки тоже могут страдать комплексом неполноценности!)

Когда жуть от первых впечатлений улеглась, оказалось, что на самом деле все не так уж страшно. Улиц в поселке было больше чем две. В центре - сельсовет, правление колхоза, магазин, и даже... аптека (о ней будет особый разговор). Самара несколько раз в году становилась полноводной. В тихих ее заводях водилась крупная рыба, в том числе усатые сомы величиной с человека... Спасти от морозов могла соответствующая одежда. Но вот все остальное...

О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ

Его нужно было как-то добывать. Точнее, зарабатывать. Где и как? - В местном колхозе. Тут все ясно. Однако по приезде в Никольское по рядам женской половины моих родственников прокатилась легкая паника: мои тетушки по отцовской линии имели классическое образование, характерное для девочек из интеллигентных еврейских семей. Они умели вести «умные» разговоры, разбирались в музыке, литературе, поэзии, но о конкретной профессии, на которую был бы спрос в эвакуации, не имели ни малейшего представления! Мало того, их отец (мой дед Соломон, - простой, кстати, бухгалтер) был, видимо, помешан на музыке и вследствие этого подобрал имена дочерям в полном соответствии с нотным рядом! То есть, тетушки звались ДОра, МИра, ФАня. Оправдывая надежды родителей, они-таки добились до войны каких-то музыкальных успехов. Дора подрабатывала в местной филармонии в жанре художественного свиста (был такой жанр). Мира стала успешной пианисткой. Фаня, под стать сестрам, была, кажется, неплохой скрипачкой. Однако не то что куска хлеба - черствой корочки этими качествами добыть не удалось бы, если б не моя мама и непреодолимое желание молодых женщин найти свое место под солнцем. Даже на краю света.

АПТЕКА. И НЕ ТОЛЬКО

Мама Лия была дипломированным фармацевтом. Но дело не в этом. А в том, что этот диплом был при ней, а в селе Никольское имелась аптека, не работавшая по причине отсутствия специалистов. В сельсовете маме вручили ключи от большого дома, примыкающего к аптеке, и разрешили укомплектовать аптечный персонал. Что она и сделала. Всем взрослым, таким образом, нашлась

работа. Маме помогали, кто как мог. Особенно преуспела в фармакологии Мира. Мама ее очень хвалила. Аптека и, самое главное, наличие крыши над головой позволили всем благополучно пережить первую суровую уральскую зиму сорок второго. А нам, детям, пусть с опозданием, но все-таки приступить к занятиям в школе.

Потом уже, с наступлением весны и тепла, женщины дружно занялись освоением приусадебного участка. Прежде всего посадили картошку, потом завели дюжину кур с петухом и даже взяли на воспитание поросенка, забыв на какое-то время о некоторых еврейских канонах.

НА ПОЛЮСАХ УЧЕБЫ

Никольской средней школой назывался одноэтажный барак, в котором было не теплее, чем на улице, даже если он отапливался. Своим ужасным нынешним почерком я обязан урокам «чистописания» тех лет. Первоклашки сидели за партами в верхней одежде и, не снимая рукавичек, выводили на первых уроках палочки и кружочки, похожие на все что угодно, только не на то, что нужно. Варезки снимались лишь тогда, когда нужно было согреть замерзшие чернила. Первоклашки сжимали с ладонях свои «невыливайки» (так тогда назывались чернильницы) и ждали, когда можно будет обмакнуть перо. Писали не в тетрадях, а на листках, нарезанных из газетных полос, используя просветы между типографскими строками.

Что еще вспоминается из той поры? Незаслуженная обида и радость успеха. Обида за двойку, которую получил ни за что. Хотя нет, - есть за что. За хвастовство. В первом домашнем задании надо было выучить стихотворение, которое я хорошо знал.

- Дети, поднимите руку, кто не учил стихотворение,
- попросила на следующий день учительница.

Я первый это сделал. Поднял руку. Хотел похвастать - зачем учить, когда я и так знаю? Но до объяснений дело не дошло. Всем, кто не учил, были поставлены двойки. И мне в том числе.

Теперь о другом. Не об огорчении, а о неожиданном комплименте, который «греет» и по сей день. Как-то на уроке арифметики я спросил, какими знаками препинания отделяется одно арифметическое действие от другого. Реакция учительницы была совершенно неожиданной. Она подошла и погладила меня по голове:

- Очень хороший вопрос! Точка с запятой.

Затем отошла к доске и продолжила:

- В математике сформулировать вопрос важнее, чем ответить на него. Да и не только в математике. Запомните это, дети!

И я запомнил.

КРУПИНКИ САХАРА НА ГУБАХ

Да! Это были действительно крупинки сахара. Остаток моего деликатесного завтрака. Ломтик черного хлеба, припорошенного щепоткой сладких кристалликов. Такое могли позволить себе не многие. Сахар входил в разряд непозволительной роскоши. Откуда у нас в доме появился этот деликатес, я не знал. Но знал, что распространяться об этом не следует. И вот теперь тайна стала явью. Мой сосед по парте почему-то смотрел на меня, будто видел первый раз:

- Что у тебя на губах? Сахар, да? - спросил он тоном юного инквизитора.

Я лихорадочно облизнулся, замечая следы преступления:

- Где? Тебе померещилось. Откуда ему взяться, сахару?

Мальчишка присмотрелся снова:

- И вправду ничего нет. Наверное, показалось...

Об этом, казалось, ничего не значащем эпизоде я рассказал маме, после чего в семье возник «ритуал»: после еды взрослые тщательно протирали полотенцем детские рты. Без этой процедуры мы не имели права выходить на улицу. Тем более - в школу.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Быть кем угодно, только не евреем

Мы, дети, росли, как чертополох на пустыре. Есть такая сорная трава, которая пробивается на поверхность не благодаря, а, скорее, вопреки всему. Взрослым (точнее, матерям) было не до нас. Мы были предоставлены сами себе и это нас более чем устраивало. Не было телевизионных мультиков, спортивных секций, детских площадок. Была «улица». С ее законами и правилами. По этим законам дружили и играли в свои игры местные пацаны вперемешку с приезжими. Эвакуированными. (Как говорила моя бабушка Эстер - «выкавыренными»). Я входил в группу подростков, которую возглавлял некто Юрка Лужный. Старше остальных на несколько лет, он пользовался непререкаемым авторитетом. Тем более что по характеру был лидером, вожакom стаи.

Роли в наших играх распределялись между белыми и красными, немцами и... евреями. Да, да, - и евреями тоже. Как эта роль «использовалась» в наших забавах, - не помню. Но оказаться евреем не хотел никто. А кем кому быть, решал именно он, Юрка. Он даже специальный тест для этого придумал. То есть, мы усаживались рядом, закидывали ногу на ногу и... ждали. Юрка подходил неожиданно и пальцами правой руки сильно сдавливал ногу чуть выше колена. Если носок дергался, - ты и есть еврей. А нет, - значит, нет. Я никогда не был евреем. Как ни впи-



*Дети войны. Автор (справа) с братом и сестрой.
Середина сороковых.*

вался вожак своими клешнями в мое колено, - нога оставалась неподвижной. Я не имел права дергаться. Потому что был единственным евреем в этой компании.

Комплекс неполноценности

Так зародилось, а потом и сформировалось состояние закомплексованности, от которого я не мог избавиться даже в более зрелом возрасте. Впрочем, нужно ли было от него избавляться? - Не уверен. Особенно в те годы. Он (комплекс) оставался стимулом, мотором, желанием быть не только таким как все, но и лучше других. Это далеко не всегда получалось, но само стремление к состоятельности тоже много значило.

Помню, в начале лета, когда Самара еще была пол-

новодной, мы развлекались прыжками с крутого берега в воду. «Ласточкой». Ценилась длина полета. Для этого нужно было с разбега как можно дальше оттолкнуться от края обрыва. Рекорд принадлежал Юрке. Я пытался его улучшить. Но просчитался. Однажды, чуть не дотянув до воды, врезался головой в песок, чудом не сломав себе шею. Существовала и зимняя «прыжковая» программа: с крыш бараков и сараев прыгали в снежные сугробы. Страшно было всем: шагнуть вперед, чтобы затем полететь в десятиметровую пропасть, - это совсем не шутки. Показывать свой страх, в отличие от остальных, я тоже не имел права. А чтобы не заподозрили в трусости, взбирался выше других и не просто прыгал, а крутил в воздухе что-то вроде сальто. Такого не делал даже Юрка. Он меня хвалил - я расцветал от счастья...

Частушка

Слова этого мерзкого куплета клином втесались в память. Я долго думал, стоит ли воспроизводить их сейчас. И решил: что было, - то было. Из песни, как известно, слов не выбрасывают... Вот он, этот куплет:

*Эй, Самара, качай воду,
не давай жидам проходу!
Жидов режут, жидов бьют,
из жидов веревки вьют...*

Так сказать, элемент местного фольклора. Устное народное творчество как реакция на фашистскую резню евреев. Вполне возможно, что здесь, в глубинке России, ее кое-кто и приветствовал. Такого понятия как Холокост тогда не существовало, а за антисемитизм никто никого и не думал наказывать.

Как я вел себя в этой ситуации? Да никак! По идее



*Юрка Лужный - первый слева.
Ваш покорный слуга - чуть правее, перед ним.*

исполнителю куплета следовало дать по морде. Наверное... Но очень маловероятно, что мой приятель понял бы, за что получил затрещину. А если бы все же понял, под подозрение в принадлежности к еврейству попал бы я... В конечном итоге не оставалось ничего другого, как втягивать голову в плечи и отмалчиваться.

Отвращение к малине

Да, я ее терпеть не могу. До сих пор. При одном виде этой ягоды, налитой алым, как кровь, сладким соком, к горлу подступает тошнота...

Но давайте по порядку.

То ли в последние годы войны, то ли сразу после нее стали появляться летние пионерские лагеря. Один из них осчастливил своим присутствием и я. Как маме удалось меня туда устроить, - не помню. Зато помню слова, которые на первой же линейке нам, детям, говорил начальник лагеря. Похожие на фотовспышку при съем-

ках в темноте, они и сегодня пробиваются сквозь толщу минувших десятилетий. Собственно, это была притча. Но какая!..

- Идут по дороге кошка и собака. Находят кость. Кошка понюхала, лизнула и пошла дальше. Собака тоже понюхала, лизнула, но дальше не пошла. Улеглась поудобней. Зажала кость передними лапами. И не сдвинулась с места, пока не сгрызла эту самую кость до последнего кусочка. Вот и вам, дети, предстоит в жизни длинная дорога, и ведите себя в пути, как собака. Вгрызайтесь во все, пока не доберетесь до сути. Короче, дети, будьте собаками, а не кошками...

«Эффект вспышки» выхватывает из темноты и облик этого человека. Демобилизованный парень с орденом на гимнастерке и пустым рукавом вместо руки.

Теперь о малине.

Наш отряд был премирован поездкой на плантации малины в соседний совхоз. За день нужно было насобирать и сдать на приемный пункт всего одно-единственное лукошко ягод. Для этой цели хватило бы и нескольких часов. Оставшееся время до отъезда предполагалось использовать в личных целях. То есть, спокойно, без суеты, «похозяйничать» в малиннике по своему усмотрению. Я довольно быстро наполнил лукошко. И решил не торопиться с его сдачей. Присел в тенечке и молча, посапывая от удовольствия, опорожнил емкость. В себя, конечно. Точно так же поступил и со следующей порцией, но она была не такая вкусная, как первая. Содержимое третьего лукошка я поглощал с отвращением. Надо было бы остановиться, но - не получалось!

Скорее всего, я бы сделал и четвертый заход. Но от этого меня спас сигнал сбора отряда. Таких, как я, не сдавших ни одной ягоды, было еще несколько. Нас поставили перед строем, говорили в наш адрес какие-то нехорошие

слова, стыдили. Но мне стыдно не было. Мне было плохо. По-настоящему. С тошнотой, рвотой и высокой температурой...

Уроки детства... Щелчки по самолюбию. Они формируют характер и делают это, пожалуй, получше, чем школьные педагоги. Сколько воды утекло с того времени, а вот, поди ж ты, помнится, будто произошло вчера. И выводов, которые сделал для себя тогда, я придерживаюсь по сей день: «Умей остановиться там, где нужно, а не где хочется. Прежде всего - дело, все остальное - потом». Истины, в общем-то, нехитрые, но следовать им не так уж просто.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Мы выросли быстро. Время шло, и все вокруг подчинялось его законам. В том числе и война, которая близилась к своему завершению. С освобождением Днепропетровска можно было возвращаться на родину. Но наша семья задержалась в эвакуации до конца сороковых. Причин было много. Главная - ехать оказалось некуда. Наш довоенный дом был разрушен до основания. А в Никольском, худо-бедно, но быт был налажен. Была работа и крыша над головой. И это немало, если на твоих плечах (хрупких плечах моей мамы) пожилые родители и трое несовершеннолетних детей. Хотя ребенком я перестал ощущать себя довольно рано. Наступил переходный период. От детства к юности.

Первые шаги во взрослую жизнь наша компания делала под руководством все того же доморощенного «гуру» Юрки Лужного. Из клочка газеты и щепотки табака (табак добывался из «бычков», валявшихся на улицах) мы крутили так называемые «козьи ножки». Умели прикуривать их даже на ветру. Зажженная «сигарета» передавалась по кругу. После глубокой затяжки дым выпускался

ся через нос. Закашляться было нельзя. Как бы твои легкие ни разрывались от едкого табачного дыма, кашлять запрещалось. Если сдержать себя все же не удавалось, это становилось признаком дурного тона. Можно было лишь смачно сплюнуть и, на худой конец, выматериться. Эту премудрость, тоже под руководством нашего атамана, мы хорошо усвоили. Под свой контроль им была взята и «личная жизнь» каждого из нас...

«ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ»

В кавычках, потому что ее не было. Хотя желание и тяга к противоположному полу стали просыпаться. И не только у Юрки. Одним словом, в нашей компании стали появляться девочки. А чтобы ситуация не вышла из-под контроля (сами понимаете, дело щекотливое), Юрка сам определял, кому с кем «дружить». Была «назначенная» подружка и у меня. К стыду своему, даже имени этой «спутницы личной жизни» не помню. Возможно, потому, что она мне совершенно не нравилась. Худая, как велосипед, конопатая и постоянно хлюпающая носом. Но выбора не было. И времени тоже. К концу лета (короткого в тех краях) мне нужно было доложить Юрке об успехах или неудачах. Впрочем, о неудаче и речи быть не могло. «Шеф» не любил неудачников. Кроме того, на кону стояла и моя репутация в компании: добьешься своего, - значит, «мужик что надо», не добьешься - останешься «маменькиным сыночком» на веки вечные.

Время шло, а я все еще топтался на месте. Во-первых, не знал, где организовать свидание. Было, правда, одно место - аптечный подвал, где хранились громадные сосуды с какими-то реактивами. Там было темно, сухо и тепло, но полно паутины по углам. И самое главное, это была обитель крыс, которых я боялся больше всего на свете. Других вариантов, однако, не предвиделось... Во-

вторых, нужно было как-то приобщить к этим планам и мою «подружку». То есть, что-то ей сказать, произнести какие-то слова. Их у меня не было. В общем, возникла патовая ситуация, которая разрешилась при обстоятельствах, от меня не зависящих... В это лето наша семья покинула село Никольское (брат окончил школу, и дальнейшее его обучение требовало смены места жительства).

Путь лежал в родной Днепропетровск. Мое превращение в «мужика - что надо» было отложено на добрый десяток лет. И без участия Юрки Лужного.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ ПЕНАТЫ

Все стало «на круги своя». Моя война закончилась не в сорок пятом, как для всех, а в сорок девятом. Возвращением на родину. Прошло четыре года после капитуляции фашистской Германии, а раны, нанесенные городу войной, еще даже не зарубцевались.

Центральный проспект пострадал больше всего. Его (да и не только его) восстанавливали пленные немцы, лагерь которых располагался на территории Горного института. Рано утром на военных «студебеккерах» (американских вездеходах) под охраной наших солдат их куда-то отвозили, поздно вечером привозили обратно. Мы жили неподалеку, и я, проходя мимо этого места, видел, как жили эти люди. Если не считать колючей проволоки ограждения и часовых на вышках, можно было подумать, что там находится спортивно-оздоровительный лагерь труда и отдыха. Мускулистые, обнаженные по пояс парни до работы и после нее обливались холодной водой, делали зарядку, упражнялись на гимнастических снарядах, играли в волейбол. Они совершенно не соответство-



*В войну выжила вся семья:
отец, мать и мы - два брата и сестра. 1948 г.*

вали тому образу врага, который сложился у меня за годы войны.

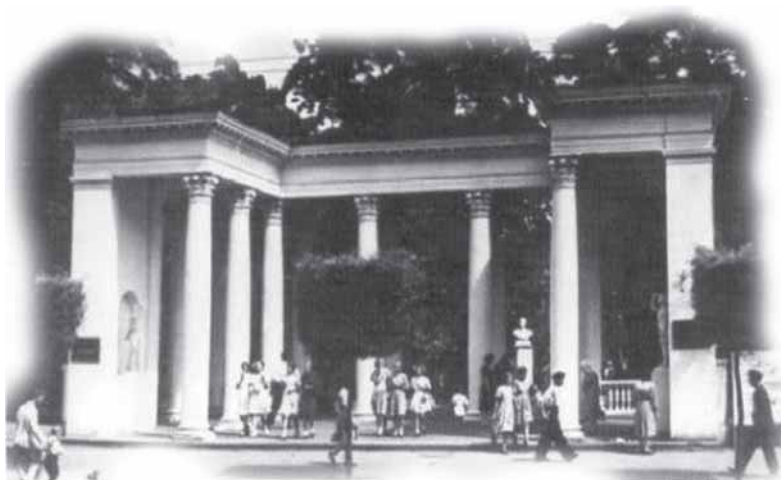
Это впечатление исчезало, когда на каждом шагу своих прогулок по улицам города я наталкивался на следы недавней «деятельности» этих «милых парней». Остатки разрушенных зданий, к которым страшно было подходить близко, если на них не было черной краской начертано - «Проверено. Мин нет. Сержант Петров». (Или «Иванов» - не важно). Развороченные дороги и мосты. Известно было и о том, что сотворили они (Нет, не они. Конечно, не они. Но им подобные.) в балке Ботанического сада, расстреляв там более десяти тысяч евреев.

Однако жизнь брала свое. Постепенно улицы областного центра расцветали улыбками молодых людей, которых было очень много, особенно во время тусовок на проспекте Карла Маркса (в районе улиц Короленко и Се-

рова). Среди них были и те, кто еще не распрощался с военной формой. На их гимнастерках сверкали орденские планки и почти у каждого на рукавах виднелись разноцветные нашивки. Так тогда отмечались ранения, полученные на войне (сколько нашивок - столько и ранений). Однажды на этом участке проспекта я увидел парня, совсем еще мальчишку, у которого над орденскими планками сверкала звезда Героя Советского Союза. Он был не намного старше меня. Я развернулся и пошел следом. Ничего особенного в нем не было, но многие оборачивались и смотрели ему вслед. Как мне хотелось быть на его месте! (Если б такое случилось, первое, что я сделал бы, - вернулся бы в Никольское и прошелся по его улицам. Чтоб все увидели. А потом собрал бы всю нашу компанию. Вместе с Юркой. И посмотрел бы ему в глаза, когда он станет умирать от зависти).

Я прошел за юным Героем несколько десятков метров. Этого хватило, чтоб «спуститься с небес на землю». И... двинулся своим путем. Кажется, тогда, именно в те минуты, я пожалел, что родился слишком поздно, и война обошлась без моей помощи.

**ЗАДАЧИ СО ЗВЕЗДОЧКОЙ,
ИЛИ
КСТАТИ, О ФИЗИКЕ**



Это произошло давно, когда школы делились на мужские и женские, а старшеклассники танцевали на вечерах па-де-катр, па-де-грасс, польку и, конечно, вальс. Тогда не было еврейских, русских и украинских школ. А все школы были средними. Подростки не матерились по поводу и без него, не кололись в подъездах, ценили успехи в учебе и спорте... Нет, правда, - я не вру. И, независимо от того, что у тебя записано в метрике, можно было стать старостой класса, и даже комсоргом школы (самые почетные школьные обязанности). Да, после выпускного бала жизнь, не без помощи инспекторов отделов кадров, расставляла нас всех по своим местам, в зависимости от анкетных данных и злополучной пятой графы. Но в розовой юности верховодили самые толковые, самые умные, и при этом никто никогда их происхождением не интересовался. Таковы были неписанные школьные законы тех лет.

Классная десятого «б» второй мужской школы - преподавательница русского языка и литературы Сара Юльевна Козлова - предложила провести вечер отдыха, пригласив девочек из 38-й и 81-й женских школ. Она была женщиной передовых взглядов и понимала, что мальчики интересуются девочками, а девочек тянет к мальчикам, несмотря на расстояние (в целых несколько кварталов), их разъединяющее. Были, конечно, отдельные маль-

чки, которые дружили с некоторыми девочками, бегали на свидания к ним после уроков, носили их портфели. Но таких было немного, а хотелось этого всем. Поэтому предложение Сары Юльевны было встречено с энтузиазмом. А чтобы энтузиазм не увел куда-нибудь в сторону от линии партии (этого в те времена опасались больше



Первенство города по спортивной гимнастике среди школьников

всего), был создан оргкомитет под предводительством Семена Сакса, самого уважаемого человека в классе. Знаете, на чем держался его авторитет? На том, что он не только знал физику и математику, но и всегда давал списать и в критической ситуации подсказывал, сам рискуя получить единицу. Еще в оргкомитет вошел друг Семена, Шура Рабинович, - не менее уважаемый человек, получавший по всем предметам пятерки, словно других оценок не существовало в природе. Включили в эту компанию и меня. Почему? - Тоже понятно. Учился я хуже



*Упражнение
на параллельных брусьях*

Семена и Шуры, зато мог крутить «солнце» на турнике, ходить на руках, делать сальто и многое другое. Ни один отличник на такое не был способен. Так что мой авторитет в классе был достаточно высоким.

Первое заседание «штаба мероприятия», возглавляемого Сеней, состоялось сразу после уроков. И вот что он сказал, поправив очки на своем большом еврейском носу:

- Нужно, чтоб встреча с нашими коллегами из женских школ была наполнена духовной пищей, а не только танцульками. Гости должны почувствовать интеллект нашего мужского коллектива! - Сеня всегда говорил высокопарным слогом, и этот недостаток ему прощали - ну, что делать, если по-другому человек не умеет.

- А танцульки - какая это пища? - тут же съязвил Шура, которого кроме физики, уже стало интересовать в жизни и кое-что другое.

- Я все продумал, - продолжил свою речь Сеня. -

Мы проведем викторину по физике. Выпускные экзамены не за горами, - это поможет в подготовке к ним и одной, и другой стороне. Вопросы к викторине подготовит Рабинович. Тогда у него появится более четкое представление, где какая пища.

Шура не возражал, и на следующий же день принес вопросы. Когда он их прочел, класс затих. Ответить на них, да еще в режиме цейтнота, было практически невозможно.

- Нет, если среди наших гостей найдутся Софьи Ковалевские и Марии Кюри, - все будет в норме, - послышалась чья-то реплика.

- Ничего. Обойдемся и без этих гениальных дам, - сказал Сеня. - Мы на всякий случай подготовим своего человека, он будет знать ответы на все вопросы и поднимать руку, если других желающих не окажется.

- И кому можно доверять, по-твоему, эту миссию? - вмешалась классная.

Я сидел на задней парте и не принимал участия в разговоре. Приближалось первенство города по спортивной гимнастике, и мне предстояло за оставшееся время подготовить произвольную программу, отработать акробатические связки в вольных упражнениях. Я мысленно выполнял одну комбинацию за другой, отключившись от происходящего, пока... Пока Сеня не произнес мое имя. Он предлагал роль «всезнайки» поручить мне:

- Фактура у него атлетическая, - объяснил он. - Все по классике: гармония тела и духа. Наши гости должны будут это оценить.

- А если он ещё на руках выйдет на сцену... - развил эту мысль Шура.

- Нет, не надо на руках. На руках - гармония как раз нарушится. В пользу тела...

- А мое мнение вас не интересует? - я вынужденно подключился к разговору.

- Абсолютно, - сказал Сеня. - Как коллектив решит, так и будет.

Коллектив все решил в один момент, и мне оставалось только послужить «отечеству».

Собственно, я согласился легко, будучи уверенным, что «отечеству» моя служба не потребуется. Но я ошибся...

И вот наступил день встречи. Актовый зал школы был забит девочками и мальчишками, смотревшими друг на друга, словно жители разных планет. Все были настолько заняты «процессом изучения», что, по-моему, просто не слышали, о чем их спрашивали. Им было явно не до физики. И, чтобы спасти положение, я то и дело поднимал руку, выходил на сцену и отвечал на вопрос викторины. Я рассказывал о тайнах великих открытий, листал страницы биографий знаменитых физиков и, наконец, когда одним движением руки оживил онемевший радиоприемник (заменял предохранитель), - зал зааплодировал. Хлопали, видимо, девочки, свои-то знали цену моим знаниям.

Храня секрет моего успеха, Сара Юльевна объявила меня победителем и наградила грамотой.

Потом всех пригласили в фойе, где уже звучали танцевальные мелодии. Я пристроился у окна и думал, как незаметно исчезнуть, так как считал танцы пустой тратой времени. Но объявили белый танец. Девочки приглашали мальчиков. Ко мне тут же подошла хорошенькая старшеклассница с косичками и белым кружевным воротничком поверх строгого, под горло застегнутого платья (именно это и запомнилось). Она протянула мне руку и сказала то, что говорят в таких случаях. А точнее, ничего не сказала. Все и так было ясно.

Я, честно говоря, растерялся. Нет, девчонок я не боялся, но дистанцию со всеми держал одинаковую. Видимо, «время женщин» для меня еще не наступило...

- Простите, я не хочу, то есть не умею...- густо покраснев, залепетал я. - У меня ничего не получится, еще оттопчу вам все ноги...

- Именно это я и ожидала услышать, - констатировала дама. - Физика и танцы - две вещи несовместимые? Так? А давайте заключим договор! Я беру шефство над вами и обучаю танцевальным премудростям, вы мне помогаете по физике.

Она взяла меня за руку, и мы закружились в вальсе. Я честно старался не наступать на туфельки партнерши, правда, мне не всегда это удавалось.

- Ничего, не смущайтесь. У вас все отлично получится, - успокаивала меня девушка, а когда мы снова оказались у окна, сказала:

- Итак, первый урок я вам дала. Теперь ваша очередь. Я буду ждать вас завтра дома к пяти часам. Меня, кстати, зовут Лера.

Прежде чем отправиться в гости, я подошел к Семену.

- Ну, и что я теперь должен делать?

- Я не понимаю, чего ты опасаться, - сказал Семен. - У девчонок куриные мозги, и твоих знаний хватит с головой, чтобы быть на высоте. - Потом он как-то хитро улыбнулся и сказал:

- Если интуиция мне не изменяет, тут дело не в физике... Я даже немного завидую тебе.

Завтра, после уроков (сказав, дома, что пойду на тренировку), я прибыл по указанному адресу. И очень быстро понял, как трудно быть «звездой». Не знаю, что Лера наговорила родителям, но ее семейство встретило меня, как лауреата Нобелевской премии. Ну, пусть не как лауреата, а как первого на нее претендента.

В центре комнаты стоял накрытый стол. За обедом разговор велся о высоких материях, мне задавали вопросы, словно все секреты мироздания мне известны. Потом Лера пригласила меня в свою комнату. Я все еще был в роли лауреата и не догадывался, в какую ловушку попал.

- Если не возражаешь, давай поговорим о деле... У нас скоро олимпиада, а я не могу решить задачи. Не пугайся - не все, а только некоторые.

Она раскрыла задачник и показала мне эти «некоторые». Все они были со звездочками, то есть повышенной сложности. Я их, как правило, даже не читал.

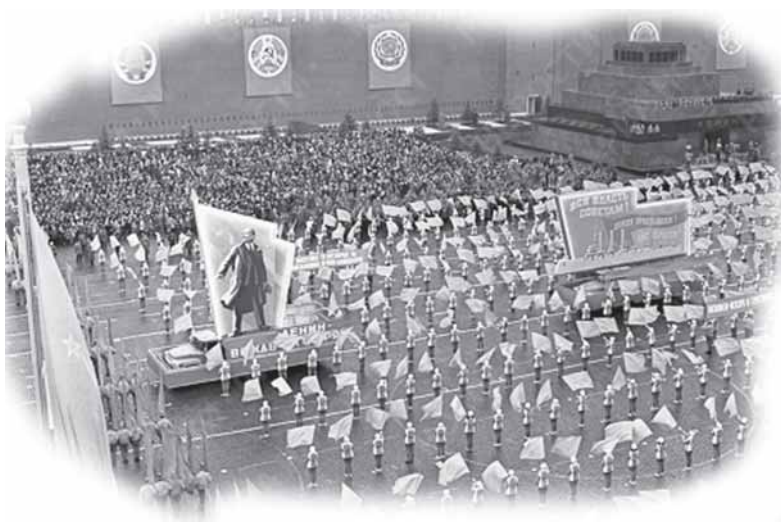
Что Лера увидела на моем лице, не знаю, но она вдруг подошла к патефону и поставила пластинку. Повернулась, шагнула ко мне и сказала:

- Ну ее, эту физику! Давай лучше потанцуем!

Конечно, вся эта история одной встречей не ограничилась. Мы с Лерой стали дружить - так тогда это называлось, - я носил ее портфель, бегал к ней на свидания. Мы проводили вместе все свободное время.

И единственное, о чем мы никогда, ни разу не говорили, - это о физике.

**ЭТО НЕПРОСТО:
ХОДИТЬ НЕ ТАК, КАК ХОЧЕТСЯ,
А КАК НУЖНО**



Н а дворе двадцать первый век. Но он - не мой. И, скорее всего, им не станет. Мой - прошлый. Все лучшее, да и не только лучшее, - там. Я торможу свою память и погружаюсь в глубины времени, извлекая оттуда, как подводный археолог, отдельные находки, заросшие водорослями и тиной. Находки крупные и находки едва заметные. Есть хорошо сохранившиеся, есть затертые временем до неузнаваемости. Не все нужно тормошить, трогать руками. Не все. Многое пусть канет в Лету вместе со мной. А вот здесь у меня сомнений нет. Я зачаливаю «объект» и даю своей памяти команду «вира», поднимая груз с пятидесятилетней глубины на поверхность. Пусть он увидит свет. Мне кажется, сделать это стоит.

Речь идет о грандиозном (возможно, последнем) спортивном шоу сталинской эпохи - Всесоюзном параде физкультурников, участником которого мне посчастливилось быть...

Итак, Москва. Жаркое лето 1954 года. Сталина нет уже больше года, но в стране все еще происходит как бы по его указке. А вождь любил устраивать такие массовые зрелища... Впрочем, все диктаторы тоталитарных режимов использовали народные гулянья, парады, факельные шествия как доказательство «всенародной любви и преданности» к ним самим.

В том году я был студентом второго курса Днепропетровского металлургического института (между прочим, имени И.В. Сталина) и входил в состав сборной вуза по гимнастике. От нашего технологического факультета

в эту команду входили еще двое - первокурсники Виктор Шаповалов и Виктор Жело. Собственно, наша троица составляла костяк сборной. И, видимо, именно поэтому нам, освобожденным от зачетов и весенней сессии, было предложено готовиться к поездке в Москву. Конечно, от нас требовалась серьезная гимнастическая подготовка, где-то на уровне тогдашнего первого разряда. Наша спортивная квалификация была самым убедительным аргументом и для спецслужб, которые доскональным образом изучали биографии всех участников парада. Они и только они давали (или не давали) «добро» на поездку в Москву.

...Москва начала пятидесятых. Попасть в нее можно было лишь после того, как твою одежду обрабатывали крутым паром в специальных камерах, установленных на каждом вокзале. Тогда эти санитарные



*«Нет на свете прекрасней
одежи -
чем бронза мускулов
и свежесть кожи»*

операции требовались, чтоб оградить столицу от всевозможных паразитов (главным образом, вшей), которыми кишела послевоенная страна Советов. По улицам текли потоки плохо одетых людей, а подземный мир метро поражал величавостью и роскошеством. Украшением города были высотные дома. На всю столицу их было всего шесть, самое помпезное - здание университета на Ленинских горах. Длинные очереди в мавзолей. Теперь уже не Ленина, а Ленина и Сталина. Оба вождя покоились под общим стеклянным колпаком. Один - в простеньком пиджачке, другой - в мундире генералиссимуса.

Мои многочисленные московские родственники еще не оправились от прошлогоднего шока, когда их дети - мои двоюродные братья и сестры - были изгнаны из вузов как друзья детей врагов народа. «Дело врачей», раздутое до невероятных размеров, лопнуло внезапно, как мыльный пузырь. В столице повеяло свежим ветром. Появились молодые смелые поэты - Вознесенский, Рождественский, Евтушенко. Их имена были у всех на слуху, а вечера, на которых они выступали, собирали битком набитые аудитории. Эти ростки новой жизни не каждому удавалось увидеть, почувствовать...

А так, внешне, ничего не менялось. Все оставалось монолитным и незыблемым, как и в прошлые годы.

Три тысячи (!) гимнастов со всего Советского Союза поселили в Лефортовских казармах, принадлежавших танковой академии имени И. В. Сталина. Лето курсанты проводили в палаточных лагерях, и громадные бетонные коробки казарм пустовали. Место, где решались проблемы подготовки к параду, выбрали идеально. Здесь было где жить, где заниматься строевой подготовкой, где тренироваться (в квартале от Лефортова располагался небольшой стадион «Энергия»). Кормили нас более чем прекрасно. Даже по нынешним меркам. Если бы не изну-

ряющие тренировки и строевая муштра, при таких харчах ничего не стоило прибавить в весе, чего гимнасты боялись больше всего на свете.

Сигнал подъема звучал в шесть утра. Зарядка, туалет, завтрак. Все делается в темпе. И вот уже колонна полуобнаженных спортсменов (ребята в коротких трусиках, девочки в купальниках) вытягивается в сторону стадиона. Зре-

лище было еще то! Люди сбегались смотреть на нас со всех соседних улиц. Для того времени такое массовое «ню» воспринималось как нечто фривольное и бесстыдное... На стадионе, сверкая медью на солнце, нас уже ждал духовой оркестр. Основная цель тренировок - научиться выполнять все упражнения, перестроения и даже переодевания в ритме менявшихся мелодий. Да, и переодевания тоже: в определенный момент музыкального проигрыша нужно было быстро стянуть через голову верхнюю майку, заменив ее на заранее надетую нижнюю, но уже другого цвета. После этого поле стадиона, где в строгом порядке были рассредоточены тысячи юношей и девушек, вспыхивало то цветочным ковром, то обяза-



Участники парада из ДМетИ

ными для тех лет лозунгами типа «Слава партии!» или «Наша цель - коммунизм!». Следующая мелодия - и вместо ковра возникали гимнастические снаряды, на которых мы демонстрировали свое спортивное мастерство.

Получалось все далеко не сразу. Руководил тренировками известный гимнаст Александр Серый. С помощью мегафона он орал так, что заглушал оркестр. К середине дня, когда полуденное пекло становилось невыносимым, на стадионе появлялись поливальные машины. Сбрасывая с себя последние крохи одежды, мы почти нагишом неслись под сверкающие струи холодной воды. И девчонки, и мальчишки, не стесняясь друг друга... И что, спросите вы, обходилось без секса? Представьте себе, - да. Дисциплина, чувство долга были сильнее зова крови. Впрочем, за всех ручаться не берусь. Говорю лишь о себе. Видимо, тогда, в свои неполные двадцать, я просто еще не достиг нужной «кондиции». Срабатывал и комплекс неполноценности, который появился после одного досадного эпизода.

Ее звали Лена, точнее - Леночка. На другое имя она и не тянула из-за своей миниатюрности. Ленинградка. Училась там в каком-то вузе. На парад попала как чемпионка этого вуза по акробатике. В Москве жребий свел нас в одну пару. Она была легкой, гибкой и у нас все хорошо ладилось. Короче, мы подружились. Как водится, обменялись фотографиями. Однажды она поинтересовалась моей национальностью: «Наверное, эстонец или латыш? У тебя такая смешная фамилия. Я угадала?» Мне ужасно хотелось соврать. Не соврал. Она не поверила. Решила, что я пошутил. А когда поняла, что я сказал правду, - ничего не объясняя, уже через нового партнера, отдала мне мои фотокарточки и попросила вернуть свои. Вот, собственно, и вся причина «комплекса неполноценности». Скажете - ерунда. Возможно. Но тогда мне так не казалось.

Впрочем, я отвлекся.

...Поливальные машины, сделав свое дело, исчезали со стадиона, а мы, после небольшой паузы, продолжали трудиться под палящим солнцем. В два часа звучал сигнал отбоя. Теперь уже еле передвигая ноги, мы плелись в казармы на обед. Потом полторачасовой отдых и снова - общий сбор. Снова построение на плацу. Снова шагом марш - под оркестр. Между прочим, это совсем не простое дело - ходить не так, как хочется, а как нужно. Да еще держать на вытянутых руках древко флага, который при хорошем порыве ветра мог свалить с ног. Ну если не свалить, то уж сбить с ритма - точно. За два с лишним месяца такой ежедневный темп жизни превратил три тысячи человек в единый, монолитный организм.

Сам парад состоялся на стадионе «Ди-



намо». Лужников тогда еще не было. Руководители партии, правительства и почетные гости заняли места на центральной трибуне. Кстати, в СССР тогда было сразу два руководителя - премьер-министр Булганин и генсек партии Хрущев. Они повсюду, как влюбленная пара, появлялись вместе. (По этому поводу даже анекдот ходил: «На званом обеде присутствовали: Иден с женой, Пино с любовницей - английский и французский премьеры - и Булганин с Хрущевым»). Среди гостей выделялся лидер ГДР, сталинский любимчик Отто Гротеволь...

Как выглядел парад со стороны, я узнал только из кинохроники, которую потом крутили во всех кинотеатрах страны. В этом красочном многоцветьи так хотелось увидеть себя! Но - увы. Разве можно рассмотреть невооруженным глазом всего лишь атом огромного карнавала? А именно атомом я и был.

Тем не менее всех участников парада вечером приглашали на шикарный прием, где нам выдали дипломы, удостоверения, памятные сувениры. Торжественную встречу устроили и дома, в Днепропетровске. В институте даже сделали стенд с нашими фотографиями, озаглавив его «Лучшие спортсмены ДМетИ».

Да, несметное количество воды утекло с той поры. Многое исчезло безвозвратно. Но ощущение, что в моей жизни была «целая площадь цветов», сохранилось и по сей день.

**ИГРА
НА «ОГНЕННЫХ СТРУНАХ»
В ГОРЯЧЕМ ЦЕХЕ КОМБИНАТА
«КРИВОРОЖСТАЛЬ»**



- **З** ким роблю? З інженером роблю!
Так говорил Мыкола Боженко - старший вальцовщик прокатного стана завода «Криворож-сталь», если смена получалась нормальной и на оперативке нас хвалили... А если нет? Если проваливали график или гнали брак? Или вообще ничего не получалось? Виновников на той же оперативке выворачивали наизнанку. Доставалось прежде всего «старшому», который нес ответственность за производство. И знаете, что он говорил в свое оправдание?

- Так з ким роблю? З інженером роблю!

Я был у него подручным. Что это такое? В какой-то степени - «мальчик на побегушках», или, в некоторых случаях, - «мальчик для битья»... Но не только. Еще я выполнял всю черновую работу на стане, чтоб освободить от нее Мыколу. Он должен был думать.

Смена начиналась с настройки прокатных клетей. Их было восемь. В зев каждой нужно было сунуть раскаленный штырь длиной в полтора метра и весом килограммов десять. Штыри назывались настроечными темплетами. Разогревались они в печи, расположенной в пятидесяти метрах от чистовой группы клетей. Восемь раз мне нужно было «нырнуть» в чрево этого пышущего зноем монстра, выхватить клещами нужный раскаленный темплет и бегом (чтоб не остыл) - к валкам. Втолкнуть в них штырь, и тут же - за следующим. Важно было все сделать как можно быстрее. Для настройки стана отводилось пятнадцать-двадцать минут. Еще проворнее нужно было

крутиться при бурейке полосы, когда она змеей выскакивала из клетей и складывалась в причудливой формы огнедышащий ковер, с которым можно было что-то сделать, пока он не потерял градусы. Смену заканчивал с метлой в руках. Чтобы передать следующей смене рабочее место чистым.

Разве так я представлял себе свою инженерную деятельность после окончания металлургического института? Нас учили профессора, как составлять и решать дифференциальные уравнения, как брать двойной интеграл. Мы знали, в какие годы проходили съезды партии, и какие решения на них принимались, мы были уверены, что капитализм породил такие чуждые нашему бытию понятия, как прибыль, кибернетика... Господи, чему нас только не учили! А вот зацепить мостовым краном многотонную, разогретую докрасна болванку и провезти ее по цеху, никого не убив и ничего не задев, выпить стакан самогонки (после первой полочки) без закуси, рассказать в душевой анекдот или поерничать там же по поводу наличия (отсутствия - все равно) у кого-то выдающихся «мужских достоинств», выражаться на таком языке, чтобы и глухой мог услышать и понять, - все это и многое другое мне пришлось изучать на моем горячеховом рабоче-крестьянском факультете, «деканом», которого был Мыкола.

Направил меня на эту учебу, длившуюся почти два года, начальник стана некто Анатолий Яковлевич Крутов* - здоровенный, как двухстворчатый шкаф, человек. У него были руки борца-тяжеловеса и голос, заглушавший паровозный гудок. Его авторитет на стане был абсолютным. Если кто-то в чем-то, с его точки зрения, набедокурил, он вызывал провинившегося к себе в кабинет и, глядя немигающим взглядом, произносил страшный приговор:

* Имена и фамилии изменены

- Долго жить будешь... (подразумевалось, что эти долгие годы будут отняты у других, пострадавших от разгильдяйства виновника).

После этих слов хотелось одного: тут же тихо умереть, чтоб избежать несмываемого позора.

Мои первые впечатления о прокатном стане (мелкосортный стан 250-1), на который я попал прямо со студенческой скамьи, были почти кошмарными. Жара, гарь, грохот сотен механизмов, снующие полосы раскаленного металла, нависающие над головой многотонные мостовые краны. Казалось, хаос невообразимый. Но кто-то ведь должен им управлять? Не иначе как чей-то «высший разум»! Предчувствие меня не обмануло. «Разум» был, и меня вскоре ему представили. Его звали Яша Реймер. Мастер стана. Небольшого роста шуплый, но необыкновенно подвижный и энергичный молодой человек. Мне, как специалисту с высшим образованием, нужно было срочно перенять опыт и подменить его на время отпуска. Что я и стал делать.

У Яши был командный (дирижерский) пункт, расположенный посреди летящих в разных направлениях прокатываемых полос. Место, прямо скажем, опасное, но зато с него он видел всех, и все видели его.

Приказы отдавал жестами и действительно напоминал дирижера какого-то оркестра, игравшего на «огненных струнах» проката. Простите за красоту, но мне так все это сначала показалось. Потом, когда Яша ушел в отпуск, и я остался вместо него, убедился, что ошибся. Бригада была не оркестром. Бригада была табуном, в котором он состоял вожаком. Он вел всех за собой и без его разрешения никто шага не имел права сделать. Он отучил их самостоятельно мыслить...

Первая моя самостоятельная смена выпала на ночь. Я все делал вроде бы, как Яша, но у меня ничего не полу-

чалось. Стан работал отвратительно. Внезапно я услышал за спиной:

- Немає Реймера - немає діла...

Эти слова огрели меня, словно обухом. Что Яша бы сделал в такой ситуации? Ну, конечно! Я вспомнил. Он бы, прежде всего, оккупировал командную высоту. Не задумываясь и забыв все меры безопасности, кинулся туда же. Надо было, как при переходе улицы, оглянуться по сторонам, а уж потом выходить на проезжую часть. Я этого не сделал. А по моей «проезжей части» уже мчалась раскаленная болванка, увернуться от которой было практически невозможно. Удар был не столько сильным, сколько неожиданным. Потеряв равновесие, я рухнул в трехметровую яму для обрезки, где дымились отбракованные концы полос.

Очнулся уже на операционном столе. Кто-то в белом халате сбрасывал мою, тогда еще буйную, шевелюру, пытаюсь добраться до рубленой раны на макушке...

Когда все закончилось, попросил, несмотря ни на что, отвезти меня обратно в цех, представляя, что там происходит. А происходило вот что. В один миг по заводу распространился слух: «На прокате ночью убило мастера». И к утру в кабинете начальника собрался весь «бомонд» цеха, чтоб убедиться, насколько слух близок к истине. Мое появление было как нельзя кстати. Весь в бинтах и ссадинах, я чувствовал себя героем, сбежавшим из полевого госпиталя на передовую. Однако мой героический настрой мгновенно был остужен. И первый «ушат холодной воды» на мою перебинтованную голову опрокинул, естественно, Крутов...

- Долго жить будешь, если к технике безопасности не изменишь отношение. Короче, рано тебе доверять производство. Освой сначала рабочие профессии, а потом поговорим.

Это был приговор, не подлежащий обжалованию.

Так начиналась моя производственная карьера.

Неудачное начало, но вполне пристойное продолжение. В конце концов, я не только, получил бригаду и стал мастером прокатного стана, но и после внезапной смерти Крутова занял его место.

На заводской доске почета от нашего цеха в группе итээровцев красовались две фотографии - моя и Яши Реймера. Мы с ним стали друзьями. Дружим и сейчас, несмотря на то, что он теперь израильтянин и живет в Ашдоде. Недавно я был у него в гостях. Результатом нашей встречи и стали эти воспоминания.

**МЕЧТА О ЖЕЛТЫХ ТУФЛЯХ
НА ТОЛСТОЙ ПОДОШВЕ
С ЦВЕТНЫМИ ЗАВЯЗКАМИ**



Желтые туфли на платформе, с цветными шнурками. Хотелось такие давно. Искал во всех магазинах и не находил. И именно такие мне вдруг предложили. В качестве поощрения. За что? За какие такие заслуги? Об этом чуть позже... Скажу лишь одно. Обещанного поощрения я не заработал, и как прежде хожу в своих черных полуботинках со сбитыми (точнее, стесанными об асфальт) каблуками. Но когда вижу на ногах у кого-то из прохожих нечто похожее на мою давнюю мечту, мне кажется, что они получили свою обувь в том же заведении, где мне ее когда-то предлагали...

Ну да ладно, - не буду делать из этого тайну. Мне обещали их в Комитете Государственной Безопасности (или, попросту, в КГБ), за совсем незначительную услугу. Я должен был докладывать, чем дышат, о чем говорят, что думают евреи (и не только евреи) в большом проектно-институте «Укрگیпромез», в котором я тогда работал. Однако не потянул я роль секретного сотрудника. Хотя, видимо, у вербовщика сомнений на мой счет не было. Ведь «нет» на его предложение я не сказал. Не сказал и «да». Я молчал, находясь под гипнозом магической аббревиатуры из трех букв. Она превращала меня в кролика, цепенеющего под взглядом удава (или, точнее, под взглядом человека из этой трехбуквенной организации)...

Впрочем, возможно, молчал я и по другой причине. Во мне сидел страх. Страх на генном уровне, поселившийся в моей душе еще в детстве.

* * *

В нашей семье была тайна. Ее прятали как можно глубже. Конечно, прятали родители, а мы, дети, делали вид, что ничего не знаем. Хотя знали. И ввали. Везде, где это требовалось. Когда приходилось заполнять всевозможные анкеты. В них обязательно был вопрос: «Есть ли родственники за границей?». И мы все (а нас было трое у родителей), и я в том числе, писали - «нет». Писали и знали, что нас могут когда-нибудь разоблачить. И вот тогда придут ребята в кожаных куртках с бритыми затылками и скажут: «Зачем вы говорите неправду? За такие вещи знаете, что мы с вами сделаем?».

Я не знал, как они смогут реализовать свою угрозу, но представлял нечто страшное. И, самое главное, они будут правы.

У нас были родственники за границей.

И не где-нибудь. В Америке. Старший брат отца еще в двадцатые годы туда уехал. И там остался. Писал брату (то бишь моему отцу) письма и даже фотографию как-то прислал. Он с сыном. На плотном картоне изображены были респектабельный мужчина в обнимку с мальчиком лет пяти-шести в матроске и с корабельным штурвалом в руках. Мама эту фотографию и письма дяди прятала в нижнем ящике комода под бельем и считала, что никто, кроме нее, не знает, где они лежат.

Шли годы. Никто к нам не приходил в поисках этих «страшных» документов. Более того, иметь родственников на западе стало не только не зазорным, но даже чуть ли не престижным. Можно было съездить к ним в гости, принять их у себя... Да, многое изменилось с тех пор, а вот страх перед КГБ и его приспешниками остался.

* * *

Теперь надо, видимо, объяснить, почему гэбисты положили глаз на мою личность. Предположения таковы.

Первое: я попал в число благонадежных. И, более того, - даже стал выездной персоной.

Мне разрешен был выезд в горы Австрии в составе команды украинских альпинистов (в те годы еврей с иностранным паспортом и визой капстраны мог рассчитывать на место в книге рекордов Гиннеса). Конечно, можно было меня и не пускать никуда, но тогда пришлось бы объяснить, почему мастера спорта выводят из состава команды. За какие такие проступки. Хотя кому-то их очень хотелось разыскать. Участковый милиционер не раз навел справки обо мне, как я веду себя на работе, в быту, в семье. И получалось, - жену не бьет, пьяным не бывает, сына не истязает, на работе ценят. Более того, имеет кооперативную квартиру. Значит, материально обеспечен. И не будет искать чего-то за пределами родной державы. Там, «за пределами», во время поездки контроль над моим поведением был не менее тщательным. И однажды, сам того не желая, я дал повод усомниться в своих «моральных» достоинствах...

* * *

Спортивной делегацией руководил (а это было нормой в те годы) сотрудник того же «Комитета Глубокого Бурения» (так в народе называли КГБ) некто Вадим Голубев*.

В паузах между восхождениями на вершины Австрийских Альп мы спускались в небольшие курортные тиroleские городки. По их улицам нам разрешалось перемещаться «тройками». Не меньше. Иначе, по мнению Голубева, мы могли стать легкой добычей агентов капиталистической разведки. А наша компания их должна была интересовать особенно. Почти все альпинисты были

* Фамилия и имя изменены.

из «закрытого» города, где делают ракеты (это был настолько «большой секрет», что о нем знал весь мир).

Однажды, устав от шатания по улицам одного из таких городков и бессмысленного созерцания витрин дорогих магазинов, я попросил разрешения у своих товарищей по «тройке» вернуться назад в гостиницу. Они не возражали. И через десяток минут я был уже в своем номере, не представляя, что за этим должно последовать...

А на улице, которую я только что покинул, произошла следующая сцена:

- Почему вас двое? Где третий? - Вадим появился тут же, словно из-под земли.

- Он только что ушел домой. Мы тоже возвращаемся и сейчас его догоним, - как-то попытались замять конфликт мои друзья...

- Эх, вы! Он удрал, чтобы не возвращаться в Союз. Ему нужно было от вас как-то отделаться. Не верите? Можете сами убедиться. Его в гостинице и близко нет. Я в этом не сомневаюсь...

И вся компания ринулась проверять, так ли это...

Я же ничего не мог понять, когда они ввалились в мою комнату и уставились на меня, как на инопланетянина.

Вадим меня обматерил, естественно, но мой рейтинг благонадежности после этого поднялся еще выше.

* * *

Теперь второе... И, пожалуй, главное. Я, как вам уже известно, работал в «Укргипрометзе». Про наш институт тогда ходили такие анекдоты: «Правда ли, что тут половина всех сотрудников евреи? Правда. А вторая половина? Еврейки». Или вот еще: «Один мужик спрашивает у другого: «Как пройти в синагогу?». «А что это?» «Ну, это там, где евреи». «А, «Гипрометз», - это на Набережной».

Чем можно было объяснить такое явление? Проектная работа требовала от сотрудников наличия головы и достаточного количества извилин. И кадровики здесь были бессильны. Этому требованию они не могли противопоставить даже своей неприязни к обладателям «не той» пятой графы.

* * *

Итак, я молчал, а этот гражданин, совершенно не соответствующий расхожему стереотипу кагэбиста - молодой, с шикарнейшей шевелюрой, обходительный, интеллигентный - плел сеть, в которую я должен был попасть...

- Мы следили за вами, когда вы были в Австрии, и довольны вашим поведением. Вам не показалось, что кто-то из новых знакомых проявлял повышенный интерес к вам? С кем работаете, общаетесь, где бываете?

- Да, нет. Ничего подозрительного не заметил, - отвечал я, еще не понимая, куда он клонит.

- Понятно. Я неверно задал вопрос. Вы и не могли заметить. Среди зарубежных альпинистов могли быть и наши враги, которые маскировались под друзей. И не специалисту увидеть разницу порой невозможно. Вот в «Гипромезе», к примеру, вы считаете всех своих сотрудников лояльными гражданами, не так ли? И ошибаетесь.

Лояльность по тем временам определялась отношением к своей великой Родине. Тех, кто пытался ее покинуть добровольно, клеймили как предателей. Это мало кого останавливало. Железный занавес был чуть приоткрыт, и в образовавшуюся брешь тут же рванули смельчаки. Среди них больше всего было евреев из «Гипромеза».

- Скорее, не ошибаюсь, а не знаю. Никто не афиширует своих планов...

- Это верно. Но нам нужно знать о них. Хочется надеяться на вашу помощь. Простите, я вам не сказал глав-

ного. Вы сможете, если будете с нами сотрудничать, пользоваться нашими спецмагазинами. Обновить свой гардероб, - он в этом нуждается. И, прежде всего, обувь. Будете ходить в таких туфлях, как у меня... И вот вам первое задание, - он назвал фамилию мало известного мне человека - начальника одного из отделов института. - Мы знаем, что он радиолюбитель и по ночам ловит разные «голоса», в частности «Голос Америки» и затем делится услышанным. Нас интересует, с кем он делится, круг его общения, какой радиоаппаратурой пользуется. Попробуйте узнать все это.

- Но каким образом? Я же его почти не знаю.

- Что-нибудь придумайте. Пригласите его, к примеру, в состав своей команды в качестве радиста, или принесите какой-нибудь радиоприемник для ремонта. Вроде бы. Ну, смелее. Быть разведчиком - дело творческое...

В моем распоряжении было дней десять. Я честно пытался выполнить поручение, заходил в кабинет к этому человеку - тщедушному инженеру в очках - и думал, может, рассказать, кто им интересуется, и пусть поменьше болтает языком. А потом появилась мысль: вдруг он - подсадная утка и получил от «них» задание проверить меня?

Короче, с первым заданием я не справился. Так же как и со вторым, третьим и всеми остальными.

Нужно было как-то выходить из игры. И однажды, набравшись смелости, во время очередного свидания с «резидентом» я сказал: «У меня ничего не получается. На роль Штирлица я не гожусь». К моему удивлению, он мое признание воспринял более чем спокойно.

- Ну что ж, вы меня опередили. Я должен был первым сказать вам об этом. Просьба, - это в ваших интересах, - о наших встречах не распространяйтесь. По крайней мере, лет двадцать.

И, не пожав руки, покинул место встречи...

* * *

С тех пор прошло много лет. Значительно больше двадцати. И тайну я соблюдал даже тогда, когда в этом уже никакого смысла не было. Время свое дело сделало - многое напрочь вымыло из памяти, унесло в небытие. Многие кануло в Лету.

Но кое-что все-таки сохранилось. Как тогда, так и сейчас, когда я вижу у встречного прохожего желтые туфли на толстой подошве и с цветными шнурками, - тут же меняю курс, чтобы с ним не встречаться.

**ВРЕМЯ УШЛО.
ПЕСНИ ОСТАЛИСЬ...**

**ПЕРВЫЙ КОНКУРС
АВТОРСКОЙ ПЕСНИ**



Если молчат очевидцы, рождаются легенды. Или приходит забвение. Именно это и произошло с событием почти пятидесятилетней давности, к которому я имел непосредственное отношение. Какое именно? Узнаете чуть позже. А пока, используя детективный стиль изложения, начну издалека.

НАЧАЛО

С середины 60-х и до конца 70-х я на общественных началах занимал должность председателя городского клуба туристов. Пост достался мне как обладателю редких по тем временам званиям - мастера спорта и чемпиона Союза по спортивному туризму. Да, собственно, дело даже не в этом. Важнее было обладать авторитетом и уважением своих единомышленников, чтоб стать их лидером. На базе клуба сформировалось своего рода туристско-альпинистское племя, которое, несмотря ни на что, жило своей полнокровной жизнью. В нашем распоряжении была огромная страна - от Хибин до вулканов Камчатки и от берегов Ледовитого океана до гор Памира. И мы, отсидев год в своих НИИ, сбегали в ее действительно необъятные просторы от городской суеты и издержек цивилизации. Стоили такие «вылазки» - (точнее экспедиции), недешево. С нашими мизерными инженерными окладами мы вряд ли бы их потянули, если б не партийно-советская идеология, в которой мы взяли на

себя роли «политических спекулянтов». Посвящая поход или восхождение юбилею партийных вождей, очередному съезду партии, водружая стяг страны над безымянной вершиной, мы тем самым открывали себе

путь к профсоюзным законам. Попробуй, не профинансируй мероприятие с такими благородными целями!

Были в нашей среде и другие ценности. Это, прежде всего, гитара и песни под нее, которые исполнялись у костра, под куполом звездного неба, либо в палатке, под монотонный стук дождя. При этом ни у кого и мысли не было, что такие песни когда-то могут зазвучать с подмостков сцены, так как они, по тем временам, имели флер запрещенности. И было понятно, почему. Ведь вот какие слова звучали в некоторых из них:

*Охра нас окружила,
руки кверху, - кричат...
Но они просчитались.
Окруженье отбито.
Кто на смерть смотрит смело,
того пуле не взять.*

Или еще:



Юрий Кукин

*От злой тоски не матерись.
Сегодня ты без спирта пьян.
На материк, на материк
ушел последний караван.*

Этот «приблатненный» жанр пришел из лагерей, где еще совсем недавно сидело полстраны. Были, конечно, песни и другого содержания, которые писались «романтиками дальних дорог». Кто они? Какое-то время их никто не знал, считая эти песни народными. Потом узнали. Клячкин, Егоров, Кукин, Берковский, Городницкий, Визбор, Окуджава, Высоцкий. Список можно и продолжить, добавив хотя бы нашего барда Медведевко, но я называю именно тех, которые еще в шестидесятых, едва появившись на небосводе, засверкали на нем, как звезды первой величины. Продолжая сверкать и по сей день. Банально об этом говорить, - факт общеизвестен. Но это так. У звезд тоже есть свой отсчет времени, в начале которого мы тогда находились.

ПЕРВЫЙ КОНКУРС

Возможно, именно благодаря этой блистательной компании, по стране прокатились конкурсы туристской песни. В 1967 году «докатился» такой конкурс и до нашего города. Он был первым и, как первый блин, мог получиться комом. Но этого не случилось. Хотя, казалось, дело к тому идет.

Судите сами. Все делалось по «правилам игры» тех лет. Согласовали с горкомами партии и комсомола, получили добро от обкома профсоюзов и дирекции Дома Ученых, напечатали афиши и расклеили их по городу, распространили среди вузов города пригласительные билеты, сформировали жюри. До открытия оставались считанные дни, город стоял «на ушах» в поисках лишне-

го билета, а ни одной заявки на участие ни от кого не поступило. Более того, отдел пропаганды горкома партии неожиданно потребовал, чтоб все исполнители согласовали с ними тексты песен. Пришлось пойти на «военную хитрость» Достали какой-то



Евгений Клячкин

действующий сборник советских песен, перепечатали его и представили то, что получилось, на суд блюстителям порядка. Хитрость удалась. После серьезной правки все было согласовано, однако участников конкурса от этого больше не стало. Более того, - их просто не было.

КОНЦЕРТ

Ситуацию надо было как-то спасать. И тут пригодились личные связи. В оперной студии Дома Ученых пел классическим басом мой приятель Саша Горелов. Он согласился исполнить песню Кукина «Я гоняюсь за туманом», но при условии, что аккомпанировать ему будут на рояле, и на сцену он выйдет во фраке. Ведущим солистом популярного тогда музыкального ансамбля «Романтик» был мой друг Феликс Шутылев. Его удалось уговорить подготовить несколько песен из репертуара Клячкина и Окуджавы. Это было уже кое-то, но явно недостаточно... А за несколько дней до конкурса, заявки вдруг посыпались, словно из рога изобилия...

В день концерта улица Куйбышева, где расположен Дом Ученых, была забита людьми до отказа. Для картины полного ажиотажа не хватало лишь конной милиции. А ее присутствие, действительно, было бы не лишним. Дом Ученых штурмовали, как Зимний в 17-м году. Когда стало ясно, что зрительный зал не может вместить больше ни одного человека, все входы и выходы здания были наглухо забаррикодировны. И те, кто имел билеты и те, кто их не имел, а также кое-кто из конкурсантов, оказались «за бортом». Дорога на конкурс для них была заказана. (Трудно было предположить, что такая силовая акция приведет на следующий день к трагедии. Но предотвратить дальнейший ход событий было уже невозможно.)

Сам концерт прошел отлично. Зрители доброжелательно встречали конкурсантов, прощая им и неприхотливость в одежде, и изъяны в песенном жанре. Публика в зале и на сцене были из одной «стаи». Стаи бродяг...

Освистали только одного участника. Горелова. «За туманом» во фраке и в сопровождении рояля не гоняются. Потом за кулисами он меня отчитал по полной программе:

- Сам бандит и бандитскую публику собрал. Вам всем в поле у костра петь, а не в зале.

Может, он был и прав. Хотя Феликс Шутылев был принят «на ура», и даже получил какой-то приз. Несмотря на то, что был в пиджаке и при галстук

ТРАГЕДИЯ

Все, что происходило в зале, было спланировано и регламентировано. За его пределами - непредсказуемо. Сначала те, кто остался «за бортом», из ненужных теперь билетов и афиш разожгли костер и, словно дикари, исполняли возле него свои ритуальные пляски. Просто так, - никто не хотел расходиться. Пели и танцевали до

глубокой ночи. Пока кто-то не предложил провести свой конкурс... Не откладывая в долгий ящик... Прямо завтра. Где? - Проблем тоже не было, - в горном институте. До него рукой подать. Как слух о принятом решении распространился по городу, - ума не приложу! И это всего-то за одну ночь.

К вечеру следующего дня у центрального входа в Горный собралась толпа не меньшая, чем в день до этого. Концерт должен был состояться в свободной аудитории на пятом этаже. Попасть туда можно было только по боковой лестнице, обрамленной, как потом выяснилось, старыми, изношенными перилами. Давка образовалась именно на этой лестнице. В верхней ее части «оборону» держали дружинники, которые скамейками теснили публику обратно к лестнице, пытаясь в первую очередь дать возможность пройти на сцену тем, у кого были в руках гитары. А снизу прибывали и прибывали «свежие силы», которые, опасаясь и в этот раз оказаться не у дел, рвались вверх с утроенной энергией.

Первым не выдержало крепление перил последнего этажа. Оно лопнуло, как натянутая струна. И те, кто был возле него, или точнее опирались на него, полетели вниз в двадцатиметровую пропасть. Упало около пятнадцати человек (в основном, студенты). Почти все погибли. Нескольким человек выжили, но стали инвалидами...

РАССЛЕДОВАНИЕ И «ГОЛОС АМЕРИКИ»

Была создана следственная группа, куда меня тут же пригласили. Комиссию интересовали два вопроса: кто организовал давку, и каким образом о ней стало известно «Голосу Америки» («Вражеское радио» уже через несколько часов сообщило о том, что произошло в «закрытом» городе на студенческой вечеринке, и сколько чело-

век при этом погибло). Обо всем, что мне было известно, я написал в объяснительной записке. Дал подписку о невыезде. Началось уголовное разбирательство, которое, в связи с отсутствием состава преступления, было для меня тут же закрыто. Видимо, сработало двойное алиби. «Там» не был, и ночь провел в семье, а не у шпионского передатчика.

А может, и вообще никакого разбирательства не было. Скорее, была дана установка сверху - спустить все на тормозах и сделать вид, что вообще ничего не произошло. Может, именно поэтому о том событии мало кто сейчас помнит. Ведь тогда всех попросили забыть.... Потом забылось по-настоящему.

ЭПИЛОГ

А много лет спустя появились КСП (клубы самодеятельной песни). Они проводили свои конкурсы, присваивая им порядковые номера. «Первый», «Пятый», «Десятый». В некоторых из них, в качестве члена жюри, я принимал участие. И меня постоянно подмывало сказать нынешним «казспешникам»:

- Ребята, сдвиньтесь в своих подсчетах на единичку влево. Первый был - очень давно. Когда многих из вас еще на свете не было.

Но не говорил... Знаете, почему? Дело ведь не в приоритете. Важнее другое: время ушло, песни остались. Песни моего поколения. Хочется надеяться, - остались навсегда.

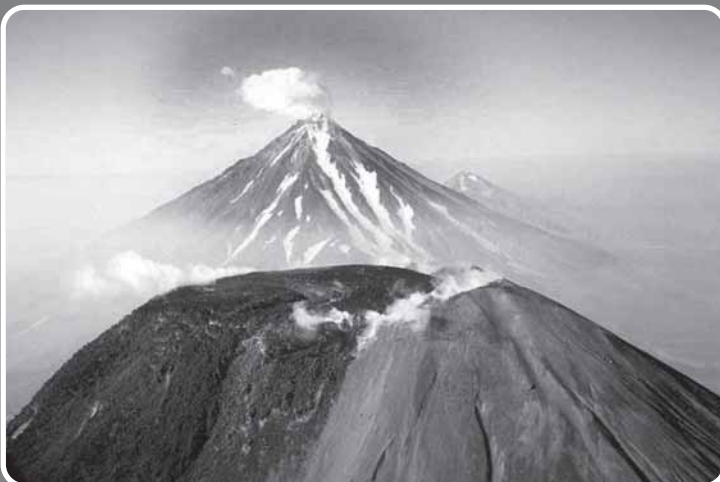
**ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАМЧАТКЕ.
СОБАЧИЙ ВОЙ -
ОН ЗВУЧИТ У МЕНЯ В УШАХ
ПО СЕЙ ДЕНЬ**



Произошла вся эта история на Камчатке - в далеком экзотическом крае, который в 70-е годы прошлого века был желанней и загадочней, чем теперь Гималаи. По сути, наша группа (человек шесть, не более!) осуществила первый прорыв в одну из самых засекреченных зон СССР: на полуострове располагались ракетные базы, державшие под прицелом США в годы «холодной войны» и много позже. В отряд туристов-альпинистов входил и кинооператор Юрий Поляков. Он снял о нашем походе фильм под названием «Этюды Камчатки». Лента была отмечена дипломом первой степени на Международном фестивале любительских фильмов во Франции, но после внезапной смерти оператора - утеряна. Оба факта крайне огорчительны. Но речь пойдет не о них.

Наш маршрут пролегал от вулкана Ключевская Сопка до поселка Жупанова. А это километров триста с гаком по таежным чащобам, болотам, горным перевалам. И никаких, конечно, транспортных средств, кроме собственных ног и спин. Поклажи на каждого - килограммов по сорок-сорок пять. То есть ничего лишнего мы позволить себе не могли. Даже продукты были рассчитаны строго на шестерых. Правда, флягу спирта, одну на всех, все же прихватили. Но это - в качестве «стратегического запаса»...

И вот в таких условиях среди нас появился «рот» седьмой. Причем ни одного грамма для своего пропитания он нести не мог, а на особо труднопроходимых участках сам не мог и идти! Однако - обо всем по порядку.



Курящийся вулкан

У подножия Ключевской Сопки располагалась сейсмологическая станция с более чем странным названием - Апахончич. Ее сотрудники, прибегая к помощи специальных приборов, денно и ночью следили за «здоровьем» вулкана, до поры - до времени пребывавшем в латаргическом беспамятстве. Малейший хрип в его могучей груди немедленно становился достоянием специалистов. Местность вокруг была совершенно безлюдной. Космическое одиночество вулканологов разнобразила лишь стая полудиких собак во главе с мощным псом по кличке Ара. Остальные, хоть и безымянные, откликались на резкий свист человека мгновенно. При этом красавец Ара шествовал впереди, а все другие жались чуть поодаль. В общем, «король» и «свита»!

В таком вот коллективе мы провели несколько дней. Конечно же, собак подкармливали. И каждый раз повторялось одно и то же: львиная доля еды доставалась Аре,



Идем мимо вулканов Ключевская Сопка и Камень

беспощадно разгонявшему конкурентов, а остальные перебивались как придется. Беззащитнее всех оставалась маленькая собачонка, темным окрасом и невероятной лопоухостью напоминавшая экзотический цветок. Мы сразу же назвали ее Розкой. И кличка - как приклеилась!

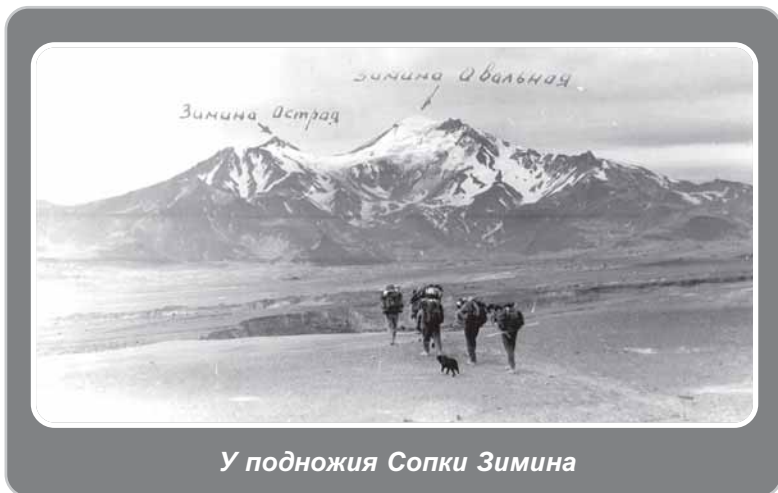
После плотного ужина накануне выхода на маршруты у нас осталась отварная картошка (не подрассчитали возможностей собственных желудков, а нести с собой было нелепо). Эту вот картошку, пропахшую дымком и маслом, я и решил скормить собакам. Они появились так быстро, будто ждали условного сигнала за углом. Остальное было уже знакомо: Ара, свирепо рыча, набивал брюхо, а Розка, глядя на стаю, робко стояла в стороне и горевала, что такой праздник жизни - не для нее.

Больше я этого выдержать не мог! Справедливость, как известно, восстанавливается силой. Посему я разогнал четвероногих нахалов и подкормил смешного и трогательного ушастика. Собачка жадно, не прожеывая, глотала картошку, а я легонько поглаживал ее по холке и тихо приговаривал: «Розка... Розка...».

С этого, собственно, и начался наш «роман». Развивался он по всем законам жанра. Но лучше бы в нем не было ни такой фабулы, ни такого эпилога...

Сомневаться не приходилось: кто-то из собак должен был увязаться за нами хотя бы на первые километры предстоящего пути. Однако застывшее лавовое поле (остатки прежних извержений Ключевского вулкана), которое нам предстояло пересечь, было явно не для собачьих лап. Острые, хрупкие шипы вулканического шлака до горизонта заполняли долину. Кроме того, впереди маячил распадок реки Сухая Хапица с обрывистыми, сыпучими берегами. Одно неосторожное движение - и вместе с глыбами лавы летишь к самой воде. Кстати, «сухой» Хапица становилась лишь тогда, когда вулкан «спал», и ничто не тревожило ледники, покрытые толстым слоем пепла. Но сейчас пятикилометровый гигант дымил, как паровозная труба. Беспокойно ерзало и его ледовое покрывало, вследствие чего по руслу катил мощный черный поток воды с пеплом.

Кое-как перебравшись на противоположный берег, мы уселись, чтобы привести себя в порядок. И вдруг... Там, откуда только что едва выбрались сами, видим... Розку! Прихрамывая, бежит по следу. Уши стелются по земле. А



У подножия Сопки Зимина

впереди - река! Додумывать не успеваем: собака кубарем скатывается по крутому склону и бросается в стремнину. Мутный поток тут же закручивает и несет вниз крохотное тельце. Она пытается выбраться на наш берег, но - тщетно.

Еще через мгновение я несея вниз по осыпи. Несколко несуразных прыжков по валунам реки и... Розка в моих руках! Жалкая, мокрая как губка, она прижималась ко мне дрожащим тельцем и благодарно лизала лицо...

Собачья любовь! Сколько и чего о ней ни говорили бы, - достойных определений нет. Нет их и у меня. Но одно знаю точно: планку отношений между человеком и собакой поднимает собака. И ты тянешься за ней на любую высоту. И становишься лучше, чем был, потому что твой четвероногий друг всей своей природой отрицает фальшь, неискренность или предательство. Уж кто-кто, а собачники меня поймут...

Вернемся, однако, к Розке. После успешно проведенных спасработ нам ничего не оставалось, как зачислить беглянку в состав группы, поставить на довольствие, определить место ночлега. Кстати, проблему ночлега Розка сначала попыталась решить самостоятельно. Собаки Камчатки - не неженки. Под крышу к человеку не лезут. И потому первое время она спала возле моей палатки, категорически отказываясь входить внутрь.

Как-то ночью на горы и тайгу обрушился океанский шторм с ураганным ветром и водопадом с неба. В паузах между свирепыми завываниями бури мне слышалось жалобное поскуливание. Отвернул полог палатки, подсветил фонариком. Розка вползла тут же и дрожащим клубком примостилась в ногах.

Больше приглашать ее под крышу не требовалось. Правда, первой в палатку не шла. Ждала меня. А я не

торопился. Если погода позволяла, долго сидел у костра. Созерцание огня - занятие философское, и мысли, приходящие в голову под треск пылающих сучьев, кажутся почти осязаемыми... Розка устраивалась рядом, клала голову мне на колени и тоже замирала. Я теребил ее теплую холку, и нам вдвоем было необыкновенно уютно в этом заброшенном мире.

Далеко за полночь я, наконец, «созревал», чтоб нырнуть в спальный мешок. Нужно было раздеться, т. е., прежде всего, стянуть с себя брезентовые брюки шторм-костюма. Из-за его неудачной конструкции сделать это было непросто. И тогда Розка бросалась помогать: рыча от усердия и упираясь всеми четырьмя, она изо всех сил



На привале. Розка «помогает» мне раздеться

тянула сначала одну штанину, потом принималась за другую...

Иногда дороги путешественников - как «пути Господни» - неисповедимы. Краноцкое озеро, раскинувшееся где-то посередине нашего маршрута, и стало подтверждением этой «неисповедимости». Похожее на гигантскую ультрамариновую брошь в темном обрамлении зелени тайги, озеро оказалось практически недоступным: к воде не подпускал кедровый стланик, заросли которого ничуть не отличались от проволочного заграждения. Пройти по берегу нужно было с десятков километров, а то и больше. Пробраться не удавалось даже с помощью топора. Вот и брели по щиколотку в воде, а местами еще глубже. Розка в холодную купель лезть не желала - карабкалась по веткам стланика, как обезьянка, пока окончательно не выбилась из сил. Что-то нужно было придумать. И я придумал: усадил собаку сверху рюкзака. При первой же потере равновесия «зверь» рисковал свалиться. Но Розка держалась. Изю всех сил. Поскуливая, жарко дыша мне в затылок и «вдохновляя на подвиги» тем, что изредка облизывала то одно, то другое ухо...

Отдалившись, наконец, от озера, мы попали в царство старых, давно умерших вулканов. Лишь звериные тропы напоминали здесь о наличии какой-то живности. И только нюх Розки позволял нам четко выдерживать нужное направление. Однако, следуя за этим «лидером», мы то и дело попадали впросак: если тропа «ныряла» в какой-нибудь завал или густые заросли, - пробраться сквозь них могла только собачка. Людям же приходилось передвигаться «на карачках», а это, - согласитесь, - не подарок. Бедняжки наши «меньшие братья»: ничего, кроме того, что делается у них под носом, не видят, и красоты природы их не привлекают. А уж посмотреть здесь было на что!



Кальдера Узона

Взять хотя бы Кальдеру Узона. Эта огромная воронка (глубина - метров сто, диаметр - не меньше пары десятков километров) - след от Бог знает когда испепеленного вулкана Узон. Вулкана не стало в один миг, а место, где он находился (кальдера) «кровоточит» по сей день. Пузырятся лужи кипящей воды, булькают ямы-котлы, заполненные зловонной горячей грязью. Земля здесь теплая и подрагивает под ногами, как шкура огромного зверя. Так и кажется, что зверь сейчас повернется, и откроется бездна, и поглотит тебя со всеми потрохами, которые вполне сойдут за мясную добавку к постному колдовскому зелью преисподней...

Кстати, всего в нескольких дневных переходах от Кальдеры Узона находится еще одно чудо Камчатки - Долина гейзеров. Собственно, это глубокое ущелье, по дну которого течет река Гейзерная. Спуститься к ней тоже можно было лишь по звериной тропе, именуемой «обезь-

яней». Обезьяны на Камчатке сроду не водились, но прыгать, как они, и цепляться за ветки, как они, вынуждали обстоятельства: в любой момент можно было камнем рухнуть с обрыва. Гиблое это место охраняется. Кем? Небесами. Здесь веселятся местные боги. В своих подземных хорах, на банкете, продолжающемся сотни, а то и тысячи лет, они откупоривают гигантские бутылки с «шампанским», и оно - с ревом, паром, брызгами, на 30-40 метров вверх! - вырывается на поверхность через kloчующие дыры-сифоны.

При виде кипящих извержений Розка поджимала хвост от страха и, поскуливая, торопила нас убраться из этих мест поскорее. Куда идти дальше, она знала. Звериная тропа здесь была одна.

Река Гейзерная впадает в Тихий океан. На его берегу и оказалась в конце концов наша компания. Берег - плоский, как сковорода. Белесая эта равнина, обрамленная песчаными дюнами и пенистым кружевом океанского прибоя, уходила к горизонту. Казалось, что особой помощи от нашей «проводницы» здесь уже не потребуется. Но это только казалось. Розке предстоял еще один экзамен - на мужество. Но ни мы, ни она об этом, естественно, не знали, пока не оказались на берегу маленькой речушки, тоже впадающей в воды океана. Преодолеть ее ничего не стоило бы, если б не одно обстоятельство: речка была нерестовая.

Представить, что это такое, не смог бы ни один рыбак, какой бы необузданной фантазией он ни обладал. Громадных рыб, которыми была нашпигована вода, можно было таскать голыми руками. И мы, вспомнив о заветной фляге, не преминули этим воспользоваться. Наше путешествие близилось к концу, и лучшего места, где такое событие имело смысл отметить, вряд ли удалось бы еще найти. Короче, - костер на берегу океана,

ведро с булькающей ухой, миска свежей красной икры, емкость с «огненной» жидкостью должны были обеспечить классный ужин. Так скорее всего и случилось бы, если бы к нашей компании не вздумал примкнуть еще один «гость». Которого, конечно, никто не приглашал.

Первой его обнаружила Розка. Спокойно лежавшая недалеко от меня, она вдруг подхватила и, ошетинившись, заметалась из стороны в сторону.

- В чем дело, собака? - весело поинтересовался я и тут же осекся: в лучах заходящего солнца, отбрасывая огромную тень, во весь рост стоял медведь! Сбылась моя мечта - в течение всего путешествия я горел желанием сфотографировать «хозяина тайги»! И вот он, счастливый случай! Со смелостью, объяснимой разве что хорошим глотком спирта, принятого накануне, бегу за фотоаппаратом и несусь наперерез движению «гостя». Ближе... Еще ближе... Вот будет кадр! Но... Медведь вдруг резко тормознул, развернулся и... бросился на меня. От неожиданности и страха я выронил фотоаппарат и вы-



Медвежьи следы



Хозяин тайги

ставил руки вперед, как боксер перед встречей с соперником. В чью пользу кончился бы этот раунд, - представить несложно. Но из-за моей спины на могучего хищника уже кинулась кроха-Розка. Медведь опешил. Такой ярости от столь малого существа он явно не ожидал. Вполне вероятно, что и среди зверей неожиданность при нападении ценится больше, чем сила, но, как бы там ни было, медведь не стал разбираться, «кто прав, кто виноват», а развернулся и потрусил восвояси. А Розка, все еще ошестинившаяся и дрожащая, прижималась к моей ноге: спасла...

...Всему в нашем бренном мире наступает конец. В поселке Жупаново, который я упоминал в начале рассказа, закончилось и наше путешествие. В описываемое время в бухту возле этого небольшого селения раза два в месяц заходил корабль. С него спускали катер, и тот доставлял на берег почту, продукты, водку. Обратное за-

бирал тех, кто решил убраться из этих краев. Еще реже сюда прилетал маленький самолетик санитарной или аварийной службы. Когда такое случалось, местные жители - и стар и млад - неслись на летное поле, чтоб пообщаться со «свежими» людьми с материка (Теперь ничего этого нет: покинутый людьми за ненужностью поселок разрушили цунами и время. Если что и осталось, - так только название на какой-нибудь старенькой карте, составленной дотошным краеведом.).

В общем-то, тогда нам неслыханно повезло. На зеленом поле сельского аэродрома стоял «под всеми парами» борт. Он что-то доставил в Жупаново и теперь порожняком отбывал в Петропавловск-Камчатский - столицу полуострова. Мог забрать и нас. Другой такой оказии в обозримое время могло и не случиться. Тем более что дело шло к совсем уж близкой зиме.

К такому стремительному завершению событий не были готовы ни я, ни Розка. Не отходя ни на шаг, она просительно и тревожно заглядывала мне в глаза.

- Не переживай, собака, мы что-нибудь придумаем...

- Уж не хотите ли вы взять ее с собой?

Вопрос принадлежал пилоту, мгновенно понявшему, какую проблему предстояло решить:

- До Петропавловска мы вашу собаку доведем. А дальше? Куда вы с ней хотите? В Москву? В Киев? Не получится: документов на нее у вас нет. Придется оставить в каком-нибудь попутном городе, где она, скорее всего, погибнет. А здесь - ее стихия. Не пропадет!

Он был прав, этот пилот. А я... Я оказался на грани предательства. И вот тут в разговор вмешалась пожилая женщина из местных:

- Отдайте собачку мне! Я давно хотела завести такую маленькую. А то ведь здесь только вон какие бегают.

Вокруг действительно кружили рослые, похлеще

Ары, псы, которых незнакомка явно заинтересовала. Однако Розке сейчас было не до них...

- Но она не дастся вам в руки, - понимая, что уже смалодушничал, попробовал возразить я.

- А мой дом - вон он, совсем рядом. Вы ее заведите, а остальное я сделаю сама. Все будет как надо.

И я завел Розку в чужой дом... И отгородился от нее чужой дверью... И бросился бежать. Без оглядки. К своему рюкзаку. К самолету. А вслед неслось пронзительное, отчаянное собачье рыдание...

Время от времени неутешный этот плач звучит у меня в ушах и теперь.

ВЕРШИНУ - В ЗНАК ПАМЯТИ

**ПАМИРСКИЙ ПИК
АКАДЕМИКА ЧЕКМАРЕВА**



Безымянная вершина высотой 6320 метров, входящая в Памирский хребет Академии Наук, в 1975 году приобрела имя - пик Академика Чекмарева. В состав группы альпинистов - первовосходителей на эту вершину входили люди разных профессий - Александр Зайдлер (электро-металлург), Анатолий Брынза и Юрий Ершов (транспортники), Николай Мисюра (металлург), Леонид Алмаз (врач) и автор этих строк - инженер-прокатчик, выпускник ДМетИ 1957 года.

Восхождение было отмечено золотыми медалями чемпионата Украины по альпинизму.

* * *

Я не могу отнести себя к ученикам академика. В те несколько лет, когда мы были слушателями спецкурса по прокатным переделам, Чекмарев лекций нам не читал. Читали его коллеги - профессора и доценты кафедры прокатки - Софьян, Мутьев, Динник, Ваткин, Галемин и еще, наверное, кто-то, - забыл. Слишком давно все это было. А вот помнится величайшее почтение, с которым они относились к своему шефу - завкафедрой. И мы, студенты, тех лет, даже не общаясь с Александром Петровичем, впитывали в себя эту ауру всеобщего поклонения, которая существовала тогда в вузе.

Впрочем, я не точен, - какое-то общение с А. П. Чекмаревым все же было. И вот что я припоминаю, тормоза свою память. Вся теория прокатки для меня сводилась к формуле давления металла на валки - формуле акаде-

мика Чекмарева. Он ее сам вывел. Наши педагоги показали нам, как это делается: нужно было составить кучу дифференциальных уравнений, а затем их решить. Только и всего. Но решение нам было представлено одной фразой - «после соответствующих несложных преобразований получаем» эту самую формулу. И сколько бы раз я ни пытался самостоятельно произвести «несложные» преобразования, - ничего у меня не получалось. И именно поэтому, встречая иной раз в коридорах сухопарую, высокую фигуру завкафедрой, я начинал понимать, чем отличается академик от рядового студента. (Боже, он мне тогда казался таким старым... А ведь ему еще не было и пятидесяти! Только теперь, давно перевалив через этот рубеж, я понял, насколько заблуждался в оценке его возраста).

А вот еще один эпизод, извлеченный из глубин памяти. Во время защиты моего дипломного проекта Чекмарев находился в приемной комиссии и, кажется, тихо дремал. Я доложил спецчасть своего диплома, где была представлена какая-то калибровка, выполненная по разным методикам, в том числе и по «методике академика Чекмарева». И, конечно, сопоставление расчетов, показало, что «наша» методика самая лучшая. Я громко произнес нужные слова, и мне показалось, что от моих фраз он вышел из дремотного состояния, глянул на мои выкладки и снова погрузился в тихое созерцание собственных грез... Ну что ж, как потом оказалось, это был мой большой успех, так как на большинство других дипломантов он вообще не реагировал.

* * *

Ну, а теперь о самом восхождении...

Хребет Академии Наук словно предназначен для увековечения имен академиков. Сам он находится в труд-

нодоступном районе Памира и состоит из высоченных вершин, добраться до которых и тогда, и сейчас было очень непросто.

В нашем городе было в те годы два полных академика - Янгель и Чекмарев. Пик Янгеля уже существовал, и когда потребовалось дать имя безымянному «шеститысячнику», - двух мнений не было. Маршрут на вершину был проложен впервые, поэтому потребовалось несколько дней провести под горой. Нужно было изучить ее характер, - когда первые лучи солнца касаются склонов, когда покидают его, где сходят лавины, какими путями и по какому расписанию они это делают, - наметить места ночевки и прочее.

Маршрут был комбинированный, т. е. ледовые участки чередовались со скальными. Где-то уже под вершиной начался пояс крутых хрупких скал. Здесь первым прошел самый надежный скалолаз в нашей команде - Анатолий Брынза. За ним по провешенной веревке поднялись и остальные. Чтоб выйти на предвершинный гребень, нужно было прорубить лаз в громадном свисающем с него снежном карнизе. Опасность заключалась в том, что карниз и без нашей помощи мог оборваться вниз...

На третий день пути, к вечеру ступили на вершину и где-то недалеко от нее, прямо на гребне, и заночевали, думая, что все проблемы позади... Оказалось - не так. Основные проблемы начались уже на следующий день, на спуске.

В отличие от пути подъема, который был хорошо изучен, дорогу вниз мы слабо себе представляли. Обледенелый склон становился все круче. Нужно было все делать очень аккуратно, тщательно страхуясь. А нас поджимало время. Очередной день катился к закату, а подходящего места для бивуака и видно не было. Ночью на таких высотах даже летом температура минусовая, и



Памир. Хребет Академии Наук

без палатки, в мокрой одежде... В общем, повод для спешки был. И в этой ситуации, пытаясь проскочить побыстрее подгорную трещину (бергшрунд), сорвалась связка Зайдлер-Щербак. В одно мгновение они исчезли за перегибом...

При таком «полете» надеяться на благополучный исход не приходится. Оставшиеся были в шоке. Что делать? - Спешить им на помощь... Только вряд ли она им нужна. Сейчас важнее было прийти в себя и не повторить еще раз подобную ошибку...

Ночь провели там, где и стояли, устроившись на каких-то вмерзших в лед камнях. Едва рассвело, продолжили дальнейший спуск. И вдруг, далеко внизу, увидели две шевелящиеся точки. Да, это были они! Больше в этих местах быть некому. Свершилось чудо - парни были живы!.. Их спас желоб - путь падающих с вершины кам-

ней. По нему они и пронеслись, как по дистанции бобслея, остановившись в нескольких метрах от бездонного провала ледника... Побитые в синяках и ссадинах с незначительными травмами, ребята нас ждали, сидя на том, что осталось от рюкзаков...

А потом была встреча. Как она выглядела? Представьте себе: в центре Памира в амфитеатре, окруженном гигантскими вершинами (среди которых и пик Чекмарева) шесть заросших, с черными от солнца лицами, парней, всхлипывающих, хлюпающих носами, обнимающихся и целующихся...

К вечеру этого же дня наш коллектив в полном составе прибыл в базовый лагерь.

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА



Аневник веду давно. Не всю жизнь, но давно. Люблю, когда появляется возможность с его помощью перенестись в другие времена, вспомнить о днях давно минувших. Предлагаю такое путешествие в прошлое совершить и вам со мной, используя записи, сделанные в разное время по разным поводам. Не все написанное там имеет право на гласность. Это, надеюсь, понятно. А если понятно, - поехали...

5.05.78. На днях, находясь в трамвае, размышлял о литературных штампах. Анализировал и выискивал всевозможные словесные «затасканности», которые настолько часто употребляются в обиходе, что их дальнейшее использование начинает раздражать. Вспомнился какой-то банальный эпитет... Целый трактат получался. Решил: приеду домой - запишу все это на бумаге. Сразу не сделал. А когда все-таки добрался до чистого листа, оказалось, - все забыл. Чтоб такое не повторялось, решил регулярно вести записи.

7.05.78. Партнер по утренней пробежке рассказывал:

«Был в Польше. В Освенциме. Пристроился к группе туристов из Союза. Находились среди нас и несколько человек из ГДР. К памятнику жертвам фашизма возложили цветы. Недалеко была могила коменданта лагеря, на которую кто-то из гэдэзровцев тоже положил букет.

К нему подошел рослый парень.

- На могилу палача - цветы?!

- Но он же был немцем.

Дискуссия не состоялась. Вместо нее раздался звук звонкой пощечины».

Что подумалось по этому поводу: завидую тем, кто может вот так, за дело, двинуть по физиономии. Должна быть постоянная готовность, реакция на подлость. Не размышлять, не взвешивать, как и почему, а сразу в бой.

Увы! У меня так не получается.

19.05.78. Поездка в Москву. В купе четыре человека. Кроме меня, - научный сотрудник С. (мы знакомы еще со времен студенчества), штурман (как он сам представился) на уже хорошем подпитии и молодая дама (такой она показалась в полумраке вагона). Сразу же начался процесс «обхаживания». Больше всех старался С. Он был речист. Остроумен. Но о чем говорил, - сейчас и не вспомнишь. А вот то, что рассказал штурман, запомнилось. Он, оказывается, только что видел НЛО. Светящийся предмет в форме кольца пролетел низко над городом.

- Объект ты видел до принятия «на грудь» или после? - тут же съязвил С.

Какую-то байку поведал и я. Отмалчивалась лишь наша попутчица. Больше всех это почему-то тяготило штурмана.

Воспользовавшись паузой в тирадах научного сотрудника, он, скорее для проформы, спросил у женщины, к кому она едет и кто в Москве ее будет встречать.

- Еду к внучке. Надеюсь, она меня и встретит, если занятия не помешают. Студентка она у меня.

После этого сообщения все как-то дружно подували, стали переодеваться и готовиться к ночи...

* * *

Весна в Москве - это, прежде всего, юные прелестницы на улицах и бульварах. В брючных джинсовых костюмах. Стройные, легкие. Почему среди моего поколения не было таких красавиц? Наверное, были. Только они скрывали свои достоинства в тех ужасных нарядах, которые были доступны в послевоенные годы...

27.05.78. В Укргипромезе была встреча с Людмилой Гурченко. Тоненькая, как тростинка, остроумная, музыкальная. Ироничная. Прежде всего, по отношению к себе. Не боится рассказывать о собственных недостатках. В основном, - прошлых («До 13 лет я была воровкой»). Она заслужила право на такое откровение. Когда столько достоинств, прошлые недостатки воспринимаются, как приправа к пище, без которой любое блюдо будет пресным и безвкусным.

30.09.78. Три месяца провел в горах. Казалось, лето нескончаемое. Оказалось - кончаемое. И очень быстро кончаемое. Время обладает таким свойством. То, что впереди, может превращаться в бесконечность (которая, как обнаружил кто-то из мудрецов, не длиннее жизни), а прожитое - спрессовываться в мгновения. Многих сослуживцев не видел с мая месяца. Этого времени оказалось достаточно, чтобы на их лицах появились заметные изменения. Представляю, какие перемены они находят в моем облике. Ведь, кроме времени, над моей внешностью потрудились и такие «визажисты», как палящее солнце, горы с ледниками и снежниками, вольный ветер. Эта компания может так разукрасить - родная мама не узнает.

01.10.78. Впереди двигались две девицы. У одной ноги, как отварные сосиски. У другой - спички. Если б

можно было их усреднить, получилось бы то, что нужно. Шел сзади них и в голову лезли всякие мысли. Жаль, что не существует такой технологии - «человекоусреднение». Это был бы механизм по устранению многих недостатков. Можно было бы избавиться и не только от уродливых женских ножек. Исчезли бы калеки, инвалиды. Не стало бы сумасшедших, лысых, заик... Впрочем, стоп! Не «избавимся» ли мы таким образом от гениев, участниц конкурсов красоты, чемпионов-спортсменов, великих художников и композиторов?.. Не будет ли это платой за спасение посредственности? Нет уж! Пусть все остается, как есть. Все мы - создания Господа. А Он ведает, что творит. И поправлять Его не стоит.

11.12.78. В доме радость. У жены появились зимние сапоги. Теплые, модные. О таких мечталось давно. И вот мечта осуществилась. Сапоги настолько красивые, что жалко в них выходить на улицу. Поэтому в них ходят только по квартире, лежат на тахте, смотрят телевизор...

Сапоги привезены из Белой Церкви, где я был на семинаре по безопасности в горах. На лекции по оказанию первой медицинской помощи хирург Лурье рассказывал, что нужно делать, если от удара камня по голове из глазницы выпал глаз...

Если и брошу когда-нибудь альпинизм, так только из-за подобных лекций!

1.01.79. В самый канун Нового года ударили морозы. 30 декабря было плюс 8, а на следующий день минус 20. Сегодня снова плюсовая температура. Идет дождь. Чем запомнились последние дни старого года? Предпраздничной суетой, пустыми полками в магазинах, отсутствием водки. Тем не менее, торговля идет. Из-под полы. «Из-под нее» можно достать все что угодно.

Не потому ли почти в каждом доме праздничные столы ломаются от изобилия всевозможных яств?

Новый год. Удары курантов - как выстрелы. Для кого-то это прицельный огонь на поражение, для кого-то - лишь отдаленный гул канонады. Впрочем (по Булгакову), ужасно не то, что человек смертен, а то, что он внезапно смертен. И никому не дано знать, что для него значат эти глухие удары часов на Спасской башне Кремля.

12.10.79. Вернулся из командировки в Кривой Рог, где встречался с Яшей Р. (был у него в гостях).

Лет пятнадцать тому назад мы вместе работали в сортопрокатном цехе завода «Криворожсталь». Он - начальником смены, я - мастером прокатного стана. Дружить не дружили, но были в добрых приятельских отношениях. Он по-прежнему работает в том же цехе. Получил от завода квартиру, женился, родил сына. Вроде бы все нормально. А мне вдруг стало его жаль. Слишком все обыденно, однообразно. Работа - дом, дом - работа... И ничего другого.

- Мечта у тебя какая-нибудь есть? - спросил я его после очередной рюмки.

- Конечно, есть. Дотянуть до пенсии. А у тебя?

- И у меня есть. Организовать экспедицию на Памир и взойти на пик Коммунизма (7495 м).

Я действительно этого хочу, но обычно держу свои мысли при себе. Мечта - дама капризная. Громких слов не любит. А тут - не сдержался. Видимо рассчитывал на соответствующую реакцию собеседника. И получил ее. Яша тяжело вздохнул и, не глядя в мою сторону, тихо произнес:

- Да, не сложилось что-то. Жизнь не удалась. Очень жаль...

22.12.79. Заканчивается десятидневный тайм-аут, предоставленный эпидемией гриппа. Почти две недели провалялся в постели с высокой температурой. Казалось, уложить меня «на лопатки» - дело нелегкое. Для этого нужен достаточно мощный «соперник». Но хватило, как оказалось, и существ микроскопических размеров. Каких-то мерзких вирусов. Истина известная: «сила не в размерах». И все равно - обидно.

Стремительно слетают последние листки календаря. Последнего года седьмого десятилетия двадцатого века. Срабатывает «принцип песочных часов». (Когда песчинок в них много, движение времени не ощущается. И только когда их остается чуть на донышке, начинаешь осознавать, насколько все быстро заканчивается). Надеюсь, в моих часах еще какой-то запас песчинок имеется.

01.01.80. Рука не желает выводить такую незнакомую, округлую цифру - «80».

Новый год встретили в своей небольшой компании, берущей начало еще со студенческих лет... Всю ночь говорили о своих уже взрослых детях. Их судьбы волнуют больше, чем свои собственные. У кого-то все нормально, у кого-то - не очень... Но почти каждый из нас недоволен своим продолжением. Даже те, у кого все в порядке. Наверное, это нормально - быть недовольными. Как в искусстве. Художник не должен восхищаться своим творением. А они и есть наше творение. Не рукотворное, правда. И тем не менее...

26.12.80. Вернулся из двухдневной поездки в Киев. Беготня по издательствам (с рукописью книги) завершилась лишь туманными обещаниями, уводящими на три-четыре года вперед. Ужасно неприятное это занятие - торговать своими мозгами или точнее их продукцией.

Заискивание, унижение перед издательскими мэтрами, обычная форма общения с ними начинающего автора. А они все - дипломаты. Если ты не Лев Николаевич, - ни «да», ни «нет» не скажут. Уходишь, так ничего и не поняв. Получен отказ или нет?

* * *

Заканчивается Олимпийский год. Он оказался для меня действительно Олимпийским. За один сезон покорились два «семитысячника» - пик Коммунизма (7495 м) и пик Евгении Корженевской (7105). Стал чемпионом Украины по альпинизму в высотном классе. Начинается очередной четырехлетний цикл. Нужны новые планы, идеи. Силы.

27.12 81. Был в гостях у Зайдлера. Сколько лет знакомы и, тем ни менее, удивляет его «многоплановость»: философ, эрудит, играющий на гитаре и умеющий пить водку.

Жизнь порой напоминает мне трассу бобслея: не-сешься то быстрее, то медленнее, но выскочить, поменять направление практически невозможно. Слишком крутые виражи, слишком высокие борта ледового желоба. Слишком все кем-то предreshено без нашего вмешательства и участия...

ИЗРАИЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ



Писать о поездке в Израиль необычайно трудно. И это понятно - восток! Но и не только потому. Слишком много внимания, взглядов приковано к этому клочку земли. История, политика, религия, экономика, культура - все тут переплелось, затянулось в тугой узел. И прежде всего, конечно, религия. Или точнее - религии.

Ведь здесь возникли и существуют бок о бок три самых могущественных вероисповедания: иудаизм, христианство, мусульманство. На этой земле родился Иисус, и все, что с ним связано, - места паломничества христиан со всего света. Тут же Стена Плача - святое для евреев место. А она соседствует с мечетями и минаретами мусульман. В одно и то же время на разных языках люди здесь беседуют с Богом. Каждый со своим. А зазывания муллы перемешиваются в жарком небе Израипя с колокольным звоном православных соборов и стоном-молитвами иудеев у Стены Плача.

Экономика. Евреи - с точки зрения бытового антисемитизма - паразитирующая нация, которая может существовать лишь как вошь на жирном теле какой-либо державы, питаясь ее соками. Евреи - это банкиры, ювелиры, дантисты... Ну, еще скрипачи, на худой конец. И все. Попробовали бы они самостоятельно прожить с таким набором «специалистов»? И они взяли и попробовали, точнее, возродили в пустыне, на мертвых землях, свое мощ-

ное, богатое государство, в котором те же евреи пахут землю, стоят у станков, убирают улицы и - опять же - играют на скрипках, ставят коронки, создают ювелирные украшения.

Для меня лично эта страна интересна, помимо всего, еще и тем, что в ней сейчас живут мои друзья, близкие и знакомые в таком количестве, что там их больше, чем здесь.

Как им живется, не жалеют ли о содеянном, кем стали за годы, которые прошли после их отъезда?

Посетить Израиль я мечтал давно. Хотелось увидеть все самому, погрузиться в библейские времена, испытать африканскую жару, посмотреть в глаза тем, кого не видел уж несколько лет.

И вот, в конце прошлого года такая возможность мне представилась. Я получил приглашение от своего друга и коллеги по Укрگیпромезу Валерия Шкабататура, который живет в Израиле уже пятый год.

А посмотреть страну, поездить по ней, пожить в киббуце, побывать в семьях разных людей, побродить по святым местам Иерусалима, войти в прозрачные воды Мертвого моря, прикоснуться к горячим камням гор Иудейской пустыни помогли мне супруги Хадаса и Арон Нехуштан - тогдашние руководители Днепропетровского Сохнута.

Благодаря их содействию, меня, как эстафетную палочку, передавали из рук в руки, усаживали в автобусы (с оплаченным проездом), и всегда обязательно кто-нибудь ждал в заранее оговоренном месте.

Их внимание, руку я постоянно ощущал на протяжении всего двухнедельного пребывания в Израиле.

С тех пор я бывал на Святой Земле неоднократно. И должен заметить, что все написанное мной тогда вполне отвечает современности.

Но сейчас, уважаемый читатель, я Вам предлагаю совершить вместе со мной и с теми, кто мне помогал, небольшую экскурсию по Израилю образца 1994 года.



Иерусалим. Стена Плача

УРА! Я - ЕВРЕЙ!

Семья Кудерских. Живут под Хайфой, Четыре года в Израиле. До этого жили в Киеве. Двое детей - мальчик лет одиннадцати и девочка на год старше. Познакомился с ними при переезде с юга страны на север. У них для меня было приготовлено что-то вроде перевалочной базы. Провел там две ночи. Одну, когда ехал на север, другую, - когда возвращался на юг.

Обычная семья репатриантов. Работают оба по-су-

масшедшему, с утра до вечера, а каждую свободную минуту отдают детям. И, надо сказать, дети того стоят.

Точнее, забота явно отражается на тех, кому она предназначена. Мальчик прекрасно играет на фортепьяно. Мне случайно удалось увидеть и услышать, как Игорь (так зовут его) отрабатывал очередное домашнее задание. Мама как будто бы не обращала на его музицирование никакого внимания. И вдруг она подбежала к сыну:

- Нет! Нет! Не годится. Ты играешь формально. Без души, без мысли. Начни сначала и энергичнее. Здесь нужно выложиться...

И мальчишка, не возразив ни слова, начал все сначала. И зазвучал Бетховен уже совершенно по-другому.

Девочка - Леночка - занимается в художественной школе. Ее увлечение - роспись по шелку - батик. У нее есть много самостоятельных работ. Кое-какие украшают стены их квартиры, другие - проданы на аукционе детского творчества. А в Израиле продать свою работу на торгах - значит получить признание.

Отец семейства - программист, а значит, мир электроники соседствует в этом доме с миром искусства.

На вопрос, который я чаще всего задавал тем, с кем меня сводили подобные встречи, - не жалеете ли вы о переезде сюда? - Ира Кудерская мне ответила так:

- Сначала жалела. Слишком тяжело было в первое время. А потом все поменялось. Теперь отношение мое к этой стране таково, - каково здесь моим детям. А им - вы сами видите как. И - главное! - у них нет нашего комплекса. Комплекса евреев бывшего Союза. Вот Игорек, например. Ему обряд брит-милы был произведен под общим наркозом в больнице. Когда он очнулся от наркоза, я наклонилась над ним:

- Ну как? Что они со мной сделали? - прошептал мой мальчик.



Тель-Авив. Набережная

- Все нормально, - ответила я ему.

И вдруг... Я этого совершенно не ожидала. Сын буквально закричал: «Ура! Я еврей!».

Вот так. А ведь совсем недавно, еще в Киеве, когда я вела из садика свою дочку, она вдруг меня спросила: «Мама, какой мы национальности?». Представляете, что за мысли приходили в голову крохи! И почему? О чем дети говорили в группе, если ее это так заинтересовало?!

И я ей ответила: «Мы евреи». Она прямо-таки остановилась. Долго с недоверием смотрела на меня. Может быть, я шучу. А потом, убедившись, что я все это говорю серьезно, закудаhtала: «Ай-яй-яй! Какая у нас нехорошая национальность»...

Да, это первое впечатление об Израиле. Здесь живут свободные, раскованные люди. Израильтяне. Они примерно такие же, как французы во Франции или англичане в Англии.

Разве может кто-либо усомниться, хорошо ли быть французом или англичанином? Этим не кичатся, этого не стыдятся. Этого просто не замечают.

И вот, глядя на этих людей, я и обрел такую уверенность, что скоро, очень скоро, и благодаря именно существованию еврейского государства, никому во всем мире не придет в голову мысль, что плохо быть евреем. Точнее, это будет и не плохо, и не хорошо. Этого тоже не будут замечать...

КАТАСТРОФА ЕВРЕЕВ XX ВЕКА

О музее «Яд Вашем» в Иерусалиме

Антисемитизм, корни которого уходят в глубь веков, в 20-м столетии привел к геноциду еврейского народа. Евреев убивали только за то, что они были евреями. И убили шесть миллионов!!! **6 000 000!** А говорят ли что-нибудь ныне живущим людям эти цифры? Представляют ли они, отделенные от тех, умерщвленных, более чем полувековой стеной времени, - сколько страданий, леденящих душу криков, стонов, проклятий вмещено в них? Можно ли из этих округлых шести нулей вытянуть, извлечь как-то имена, судьбы растоптанных, стертых в пыль людей?

Я ходил по шумным, заполненным куда-то спешащими израильтянами улицам Хайфы и Тель-Авива, Иерусалима и Беэр-Шевы, посещал далекие селения на востоке и западе этой страны и думал вот о чем: если бы самые кошмарные силы в одночасье каким-то образом сумели уничтожить, умертвить всех нынешних жителей Израиля, - всех до единого: молодых и старых, мужчин и женщин, детей и пенсионеров, то и тогда бы этому воображаемому вампиру не удалось бы дотянуться до уже установленного фашистами «рекорда».



Яд Вашем. В зале имен

Не хватило бы самой малости - полмиллиона человек, одного Тель-Авива или Иерусалима. Всего лишь.

Память о тех страшных, кровавых событиях двадцатого столетия чтут все в Государстве Израиль. Рассеянных по всему миру, уцелевших после европейского апокалипсиса евреев Катастрофа встряхнула, растормошила.

Повернула она лицом к «еврейской» проблеме и весь остальной мир. Мир нормальных людей. Многие начали понимать, - если подобное случится еще раз, евреев можно будет заносить в Красную Книгу, как исчезающий с лика планеты вид. Короче, - страна возникла на крови погибших в годы Второй мировой войны соплеменников, положивших жизни на алтарь будущего своего народа. Конечно, это громкие слова: «алтарь», «будущее народа». Разве думает о подобном стоящий на краю рва под дулом автомата человек в последний миг своей жиз-

ни? И, тем не менее, это так. Во всяком случае, не будь этих страшных нулей, - вряд ли бы состоялся нынешний Израиль. И страна помнит этих людей, пытаюсь вырвать их имена из небытия, из огромных братских могил, над которыми сооружены гранитные обелиски (это в лучшем случае) или построены стадионы (как в нашем городе).

Такое отношение к погибшим - тяжелая кропотливая работа исследователей, историков, археологов. И ведется она в известном всему цивилизованному миру месте - музее «Яд Вашем» (в переводе с иврита - «Имя, Память»), имеющем и официальное название - «Музей Катастрофы и Героизма европейского еврейства». Да, именно Катастрофы и Героизма. Хотя кое-кто пожимает плечами. Катастрофы - понятно. Свидетельств достаточно. А вот героизма... В чем? Ведь жертвы геноцида особого сопротивления своим палачам не оказывали. Слишком беззащитными они были, чтоб на зверство бандитов хоть как-то реагировать. И, тем не менее, проявления героизма были. Восставали евреи и шли с камнями и прутьями на вооруженных до зубов эсэсовцев. На что они при этом рассчитывали? Да ни на что. На смерть. Но не у ямы, а в бою. Они сражались за право оставаться (или умереть) человеком. Это было проявление, так сказать, абсолютного героизма (без примесей конъюнктурных или Бог знает еще каких соображений). Самой яркой вспышкой подобного героизма следует считать восстание в Варшавском гетто. Почти все участники восстания были убиты, сожжены, растоптаны. Почти, но не все... Спаслись удалось буквально единицам. Еще задолго до поездки в Израиль мне сообщили имя, адрес одного из них и подготовили нашу встречу.

Шмулик Белотельский - один из счастливчиков. Тогда, в сорок четвертом, его приняли за убитого, и это спасло ему жизнь. Сейчас работает в архиве «Яд Вашем».

- Как меня узнать? Узнаете. Я такой маленький еврейчик. Вы сразу поймете, что это я, когда увидите, - сказал он мне по телефону, когда уже в Иерусалиме договаривались о встрече. И он не ошибся. Я действительно его легко узнал.

Почему люди героических судеб выглядят так буднично? А ведь он когда-то прошел огонь и воду. За ним охотились с собаками, расстреливали в упор из автомата. Где они сейчас, все его преследователи и убийцы? Скорее всего, уже не в этом мире.

А он живет. И несет в себе память о тех страшных событиях по сей день.

Шмулик знает почти все европейские языки, включая идиш и иврит. Для работника архива это очень важно. Он без переводчиков может общаться с жителями любой страны, получая от них интересующую его информацию.

Имена погибших - а они все еще устанавливаются - он с коллегами вносит в электронную память компьютера. И эти бездушные, округлые нули шести миллионов становятся конкретными, жившими когда-то людьми. О каждом из них здесь можно получить необходимую справку: где и когда родился, какой профессией владел, когда и где погиб. Наша встреча помогает Шмулику ввести в электронную память машины судьбы еще нескольких человек. Я передал ему свои очерки, опубликованные в разное время в местной прессе о судьбах днепропетровских евреев, попавших под пресс фашистских репрессий и сумевших спастись.

Люди разные, а судьбы похожи. Издевательства, надругательства, преследования и... необыкновенное везение. Спасение. Примерно то же, что когда-то пережил и сам Шмулик.

Он внимательно все просмотрел и захлопнул папку.

- Ну что ж. Пора и нам побродить по музею.

Жарко. Температура за сорок. Однако место, где мы сейчас находимся, - в тени, и здесь прохладно.

Аллея Праведников Мира. Праведниками Мира называют тех, кто спасал, протягивал руку помощи евреям. Это было небезопасное занятие. Спаситель рисковал, как правило, головой. И не только своей. На кон ставилась жизнь родных и близких. Но, видимо, нравственность, заложенная в этих людях, была сильнее страха смерти. Имя каждого такого человека выбито на гранитной плите, возле которой посажена пальма. Вот и получилась аллея длиной примерно в полкилометра. Много ли там деревьев? Вроде бы много. Имена таких людей собирали по всем странам Европы. Вот если бы в их честь шумели ветви всех растущих в заповеднике деревьев, может, и не было бы тогда стольких нулей в этой страшной цифре - шесть миллионов...

А ныне здравствующим Праведникам Израиль выплачивает пособие. Если не ошибаюсь, триста долларов в месяц. Хотя, дело, конечно, не в этих долларах.

Вот главный павильон экспозиции. После яркого солнца попадаешь в полумрак. И полный мрак наступает в душе от увиденных экспонатов. Фотодокументы показывают эволюцию фашистской демократии тридцатых годов. Гитлер и его патологическая ненависть к евреям вперемишку с общей его же демагогической болтовней о мире, свободе, независимости.

Да, любое государство строится из одного и того же материала: выборы, депутаты, конституция, парламент и прочее. А получается - либо Белый Дом на Капитолийском Холме, либо крематории и газовые камеры в Бухенвальде.

На стенах павильона - фотохроника Катастрофы. Нет, не только евреев. Наверное, и немецкой нации тоже.

Здесь парады фашистских молодчиков, костры из книг, рвы, забитые человеческими телами. А перед этой фотографией, увеличенной до размеров всей стены, молча стоит толпа посетителей. На снимке группа раздетых женщин - человек семь-восемь на краю обрыва. Сейчас грянет залп. Все сжались в ожидании. Они уже там, за чертой... Но возле них малыш. Он тоже совершенно голый, и не может понять, что происходит. Ему холодно. Он прижимается к пока еще теплой, но трясущейся ноге мамы, а та инстинктивно вжимает его головку в себя. Чтоб он ничего не видел... А он видит. То, чего нет на снимке. Убийц. И еще фотографа. А потом он поворачивается. Это последнее его движение. И смотрит туда, где сейчас окажется сам. В черный зев могилы. Вырванная и остановленная микросекунда, крохотный миг жизни несчастных людей превратился в обличительный документ страшной силы. А ребенок - кто он? Девочка, мальчик? Как звали? На эти вопросы уже никогда и никто не найдет ответов. Лишь где-то на звездном небе, в витках далеких вселенных сияет крохотный огонек, слабый, едва различимый светящийся комочек - его звездочка. Так считают иудеи: душа невинно загубленного ребенка тут же зажигается новой звездочкой на небосводе и навсегда гам остается.

Основываясь на этом поверье, создан павильон памяти детей, погибших в Катастрофе. В него попадаешь по длинной подземной галерее, в которой темно настолько, что перемещаться можно только на ощупь, держась за специальные поручни. Буквально ползешь, едва переставляя ноги. И вот... Еще шаг, еще полшага, и ты выходишь..., нет, вылетаешь..., а точнее, сразу оказываешься на небе. Темном с синим отливом на горизонте. Оно усыпано звездным крошечком. И ты не где-нибудь, - в центре галактики. Огоньки вокруг тебя, а их мириады, - и есть

души убитых детей. И того ребенка с фотографии. Механический голос компьютера нашептывает одно за другим имена погибших. Этот голос не умолкает ни на секунду. Из дня в день. Из года в год. Имя, страна, возраст. Имя, страна, возраст. Йухан Меркович, Польша, 9 лет; Владек Заславский, Чехословакия, 7 лет... И все это: небо, звезды, шепот в них,- замешивает в твоей душе нечто такое, от чего по телу прокатывается конвульсия, а из горла вырывается рыдание. Из глаз катятся предательские горошинки. Кулаки сжимаются до синевы ногтей. За что ж их столько сгубили? Почти все, выходя из павильона на свет, не стыдятся слез. Наверное, стыдно должно быть тем, у кого их нет. А слезы несут очищение. И мысли. Как сделать, чтоб такое никогда не повторилось? И кто это должен сделать?

Видимо, мои мысли прочитал Шмулик. А скорее всего, у него были мысли такие же, как у меня. Поэтому он и показал мне на стайку девушек и ребят в форме солдат израильской армии. У каждого - перекинутый через плечо, совершенно невоинственно болтался боевой автомат.

Да, таких вооруженных молодых израильтян можно встретить где угодно. В общественном транспорте, на автобусных остановках, вокзалах и улицах всех городов и поселков. И в этом музее.

- Знаешь, я думаю, именно они не позволят этому повториться. Они - другое поколение. Не наше. Наше - позволило. А они, если понадобится, защитят и себя, и тех, кто еще остался от нашего поколения. Их - молодежи с оружием в руках - приходит сюда больше всего. А на втором месте после них - кто, как ты думаешь? Немцы. Наверное, совесть тянет в эти места. Для очищения, раскаяния... - Шмулик замолчал, так как нужно было пропустить очередную стайку ребят в военной форме.

- Каждое государство должно иметь как бы две со-

ставляющих, находящихся во взаимном равновесии: кулаки и совесть. Кулаки - чтоб обеспечить безопасность себе и своим гражданам; совесть - чтоб кулаками не воспользовались те, у кого она отсутствует.

Шмулик говорил все это, а я смотрел на раскинувшийся внизу Иерусалим, залитый не по-осеннему горячим солнцем; на широкие, заполненные куда-то мчащимися машинами автострады; на зеленые оживленные улицы, белые, сверкающие чистотой, будто специально начищенные перед праздником здания и сооружения; прислушивался к отдаленному гулу голосов, моторов и еще неведь чего и думал: почему благополучие, счастье одного поколения должно строиться на несчастьях или трагедии другого? Почему Бог, если он есть, не может дать каждому то, чего он стоит, чего просит? А может, он просто не хочет вмешиваться в человеческие дела, решать наши проблемы?

А может... Может, Им так все и было задумано. Ничего из ничего не получается. Счастливая страна не может возникнуть сама по себе.

И не дай нам Господь пережить еще раз то, что пережило старшее поколение. Это уж я прошу у Всевышнего, надеясь, что Он все-таки есть и слышит каждого из нас.

О ЧЕМ ПРОСИТЬ БОГА?

Не думал, что будет так сложно обратиться с просьбой ко Всевышнему. Сообщить ему о своих проблемах, попросить помочь в их решении.

В Иерусалиме имеются места (как здесь говорят, - намоленные), где вероятность быть услышанным, замеченным там, наверху, - наиболее велика. «Места». Возможно, это только для меня - множественное число. А для истинно верующего человека такое место - единственное.

У христиан - Храм Гроба Господня, у иудеев - Стена Плача.

Ну, а я вырос в христианском окружении, под звон колоколов православных церквей, живя одновременно бок о бок со своими бабушкой и бабушкой - чрезвычайно набожными (особенно дед) евреями, соблюдающими все предписания Торы и знающими ее законы. Так и случилось, что во мне эти две религии переплелись, смешались каким-то причудливым образом. Наверное, где-то на уровне генетического кода (который диктует цвет волос - для меня, в частности, их отсутствие, - черты характера, внешности, независимо от нашего желания), оба вероисповедания в моей душе ужились совершенно бесконфликтно по отношению друг к другу, И это при их извечной нетерпимости!..

Вот почему в Иерусалиме у меня была цель: посетить святые места, связанные с каждой из двух названных религий, независимо от того, как будет воспринят верующими ортодоксами подобный дуализм.

А так как на все у меня имелось всего два дня, решил сам побродить по городу в поисках нужных объектов. И первое, что мне хотелось найти, увидеть, - Голгофу. Взойти на нее. Представлялось, что это такой же примерно холм, как один из тех трех, на которых раскинулся наш город. Оказалось, - не так! В ответ на мой вопрос: «Где Голгофа?» - прохожие либо разводили руками, либо нечленораздельно что-то отвечали. Некоторые советовали побывать лучше в университетском городке или посетить здание Кнессета (что я, в конце концов, тоже сделал). А потом мне повезло - встретил знакомого человека.

- Голгофу ищите? Это в Старом городе. Но вам одному, если вы еврей, туда ходить не советую. Знаете, арабские кварталы все-таки. Кроме того...

И, не досказав фразы, он тут же растворился в потоке куда-то спешащих людей. Его же «кроме того» мне стало понятно потом, во время посещения именно Старого Иерусалима (отделенного от Нового выдавшей виды толстенной крепостной стеной), куда я попал все-таки с обычной экскурсией, которую пришлось взять по совету моих новых израильских друзей, увидевших тщетность моих попыток без чьей-либо помощи найти в незнакомом городе то, что мне было нужно.

И то, что я дальше буду рассказывать, скорее всего, многим хорошо известно, но мое повествование рассчитано, главным образом, на таких же невежд, каким я себя почувствовал во время этой экскурсии*.

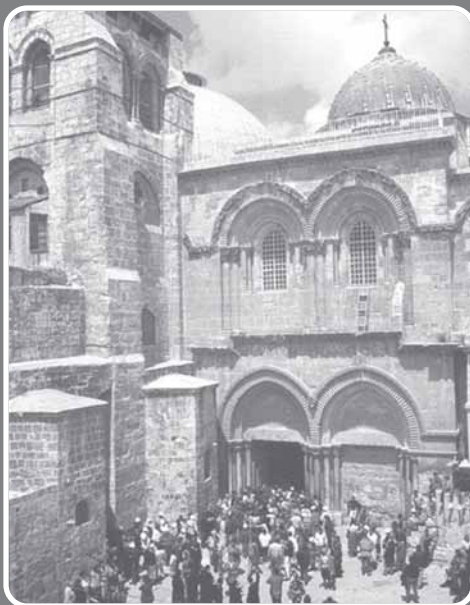
Итак, о чем не досказал тот случайный прохожий? Он, видимо, знаток истории, тоже не мог указать однозначно, где находится Голгофа. Почему?

Оказывается, есть две версии тех событий двухтысячелетней давности, имевших отношение к распятию Иисуса. Одна версия - общеизвестная. Библейская. Другая - литературная. Ее толкователями были древнеримский писатель Иосиф Флавий и наш современник Михаил Булгаков. Эти версии отличались одна от другой именно расположением места распятия Христа. Итак, библейская Голгофа находится в центре города. Но... В те времена подобные экзекуции производились за его чертой. Как увязать такое несоответствие? Над этим бьются археологи. Если бы им удалось доказать, что нынешняя крепостная стена находится не там, где она была две тысячи лет назад, - вопрос был бы снят. А пока существует еще одна Голгофа - за стеной. Обе возвышенности венчаются храмами. Храмом Гроба Господня и Храмом аме-

*Экскурсия, кстати, рассчитанная на русскоязычную публику, так и называется - «По Булгаковским местам Иерусалима». Экскурсовод - в прошлом жительница нашего города.

риканских христиан. Экскурсоводы обычно показывают оба храма и две Голгофы, и ваше дело, - чему и кому верить.

Казалось бы, такая раздвоенность, могла бы зародить сомнения: а происходило ли все на самом деле? Ан - нет! Даже наоборот. Ведь во всех остальных деталях версии полностью совпадают.



*Иерусалим.
Храм Гроба Господня*

Вот яма, где Он провел ночь перед казнью, а это камеры, в которых содержались разбойники - его случайные друзья по несчастью.

Конечно, библейский вариант сильнее литературного. Сильнее именно потому, что он библейский. Это суть веры. А истинная или точнее, религиозная вера доказательств не требует. Но даже если ты убежденный атеист и на все смотришь через призму логики и законов природы, - что-то происходит и в твоей душе. Когда показывают окна дома, где происходила Тайная Вечеря, ворота, через которые Он въехал в город, сад, в котором Его арестовали, особняк прокуратора Понтия Пилата... Двигаясь в толпе паломников по кривой и крутой улочке, ведущей

к Храму Гроба Господня, я совершенно забыл о своих главных сомнениях, - как могла женщина родить от Святого Духа, - а представил страдания матери, находящейся рядом с сыном, идущим на казнь. О чем может думать женщина, вытирая кровавый пот с лица своего ребенка? На этой улочке Иерусалима растворяются в пространстве тысячелетия... И... ты сам становишься участником той страшной детективной истории с трагической развязкой - распятием невинного.

По нашим сегодняшним меркам - произошло политическое убийство. Убийство за инакомыслие.

А вот тогдашний властелин человеческих судеб римский ставленник - прокуратор Иудеи - Понтий Пилат**. В его власти было решить все по справедливости. Почему он этого не сделал? Не хватило смелости пойти против воли толпы, которая бушевала у его ног? А это - лицо неуправляемой демократии. Искаженное гримасой и орущее визгливым голосом:

- Распять его! Распять!..

Смелость проявил лишь осужденный, бросивший толпе страшные слова:

- Кровь моя будет на вас. Ваших детях. Внуках ваших.

Понтий Пилат мог бы изменить ход истории, предотвратить и ту трагедию, которая произошла два тысячелетия спустя... Не сделал. А если бы сделал? Впрочем... Ведь все было, predetermined, никто ничего изменить уже не мог.

История не знает сослагательного наклонения, и дублей с корректировкой сценария у нее не бывает. Нет ответа на вопрос: «Что бы было, если бы?..»

Храм Гроба Господня. Голгофа. Эпицентр христи-

**Существование этого человека наукой доказано. Археологи нашли много вещей, на которых было выбито его имя.

анского мира. Здесь паломники общаются с Богом. Своим Богом. И Он слышит тех, кто стучится к Нему. В это верят. Верят все. Без исключения. А массовый психоз сильнее любых убеждений, в том числе и атеистических.

И я, в гуле молитв толпы, плотно меня обступившей, мысленно стал перебирать все свои проблемы, о которых бы стоило сообщить туда... Но не сообщил. Оборвал себя на полумысли. Нет, не потому, что испугался душевного стриптиза. Просто решил, что это я сделаю в другом месте, куда собирался попасть позже...

...У Стены Плача оказался поздно вечером. Когда густая, липкая от жары ночь опустилась на город. Она не погасила дыхание пустыни, засыпающей где-то рядом. Стена была освещена мощными прожекторами, и на нее, сложенную из огромных, тщательно подогнанных каменных блоков, падали причудливые тени раскачивающихся в молитвах сотен евреев. Они находились между прожекторами и стеной, и у них не было сомнений, то ли место они выбрали для общения с Богом. Расхождений или версий (как с Голгофой) здесь быть не может. Стена - остатки когда-то могучего Второго Храма, сооруженного евреями несколько тысячелетий назад в честь своего Бога и разрушенного римлянами в 70 году нашей эры (это доказано археологией). Одно поколение сменяется другим, в небытие уходят столетия, а место для молитв остается неизменным, как и несмолкающий, неутихающий ни на мгновение гул произносимых вслух заклиний. И здесь существует поверье: заполненное до самых краев молитвами пространство превратилось в мощный канал связи. Удалось молящимся в конце концов проложить что-то вроде многожильного телефонного кабеля между Небом и Землей! Только все сообщения туда идут (как по факсу) лишь в письменном виде. Для меня это было неожиданностью. Одно дело что-то прошептать себе под нос,

другое - изложить на бумаге. Однако отступить дальше было некуда. Это - последний рубеж. Или здесь - или нигде. Пройдя метров сто вдоль стены, обойдя женскую половину***, я вплотную приблизился к остаткам Храма и раскрыл записную книжку. Итак, первое, о чем я должен попросить..., о чем я должен попросить... М-да... Не думал, что это окажется таким сложным - сформулировать... свои просьбы. Назвать какую-то из них первой, самой главной! Короче, я не смог вывести на чистом листке ни одного слова. Промучившись несколько минут, захлопнул блокнот. Все мои проблемы меркли перед масштабами Того, Кому их следовало сообщить. Да и нужно ли мне то, что я мог бы в тот момент попросить? Если все заранее предопределено, и со мной произойдет то, что и должно случиться, о чем тогда можно говорить? Аннушка уже купила бутылку постного масла. Моего масла. Все в ее руках. Удержит ли она банку, или она превратится в скользкую лужу на моем пути? И еще. Булгаков прав и здесь тоже: у сильных просить нельзя. Они должны давать сами. Или не давать. Это их право...

И вдруг меня осенила мысль. Надо отойти от собственных проблем. Тогда будет проще. В Иерусалиме те, кто молится, смотрят вверх. Значит, все боги обитают в одном месте. Если так, тогда почему бы им не провести свой симпозиум или что-то ему подобное? Объединиться. Разъединиться. Или сделать что-то еще. Но таким образом, чтоб их сторонники, верующие именно в кого-то одного из них, не убивали тех, кто не разделяет подобных убеждений из-за иной веры..

Да! Решение принято. И я быстро вывожу на чистом листке: «Пусть вера объединяет людей, а не разъединяет. Пусть никогда на нашей Земле не прольется кровь оттого, что кто-то верит в то, чего другой не признает».

***Возле Стены есть место, где молятся только женщины.

Листок с этими словами, сложенный несколько раз, я вложил в щель между двумя глыбами стены... и побежал к своему экскурсионному автобусу, который вот-вот должен был отойти.

И, заканчивая эту главу, хочу к ней добавить следующее. Вера в Бога - хрупкая и крайне ранимая область человеческого Духа. И хотелось бы надеяться, что эти строки не нанесут в ней царапины тем, что мною так или не так что-то сказано.

ЗА РУЛЕМ «ТОЙОТЫ» ПО НЕЗНАКОМОЙ СТРАНЕ

«Все пройдет. Пройдет и это», - твердим мы на иврите, как заклинание. Как молитву. С Богом в Израиле ведут диалог только на этом языке. Что обозначают эти слова?

Без уверенности, что все изменится к лучшему, не выдержать испытаний, трудностей, которые наваливаются в первые годы эмиграции...

Мой собеседник Виталий Шокур, ведущий свою почти новенькую «Тойоту», говорил об этом, не отрывая взгляда от трассы, а я косился на стрелку спидометра. Несмотря на то, что она замерла, на отметке «100», скорость не ощущалась.

Лента шоссе Тель-Авив - Хайфа, исчезающая стремительно под кузовом автомобиля, была идеально гладкой, и лишь мелькающие верхушки пальм, растущих по обочинам автострады, свидетельствовали о том, что мы несемся, как на гонках.

С Виталием мы были когда-то очень дружны. Учились на одном факультете, несколько раз вместе выезжали в горы, влюблялись в одних и тех же девчонок. Потом наши пути разошлись, и вот, несколько дней назад

мы встретились... на автобусной остановке в Тель-Авиве (Хотя удивляться не стоит, - со своими однокашниками, друзьями детства встретиться в Израиле легче, чем на родине). Обменялись телефонами, созвонились. И вот... Он везет меня к себе в гости. В Герцлию.

- Знаешь, почему я сюда уехал? Надоело быть второстепенным. Казалось, добился всего: был начальником цеха на металлургическом заводе, заведовал крупным отделом в проектном институте. Жили безбедно. Что еще надо? Этот вопрос я сам себе задавал не раз. Была приличная квартира, машина, дача. Полный комплект благополучия по совковским, так сказать, меркам.

И, тем не менее, подкоркой, или еще Бог знает чем, ощущал, слышал то, что вслух, прямо в лицо, мне никто не говорил - «Ты - жидовская морда». Постоянно осязал некую планку, предел, выше которых прыгнуть мне было заказано. Я был человеком с клеймом, простите, на заднице. Его, конечно, никто не видел, но я его постоянно чувствовал, как прикосновение раскаленного металла, Да что рассказывать! Тебе все это известно не хуже. Хотя... Я не исключаю, что у меня развилась в этом отношении определенная закомплексованность...

А потом... Потом эта наша или, точнее, ваша перестройка. Повальное обнищание. Накопления, которые я имел, как говорится, на черный день, превратились в ничто.

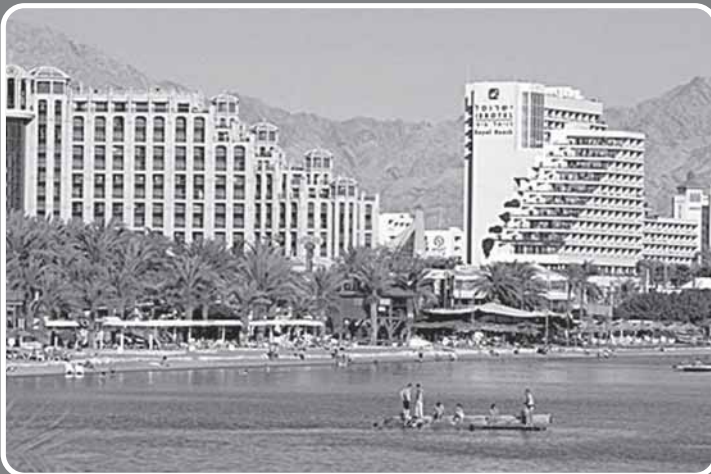
Это, так сказать, дополнительные причины, повлиявшие на решение - уехать. Отсутствие перспективы, нищета, развал экономики. Я не хотел, чтоб в таких условиях росли мои дети. А они у меня - отличные ребята. Женька - школу с медалью окончил, Машенька - красавицей обещает стать. И еще. Я там не сидел сложа руки. Пытался бороться с обстоятельствами. Свое дело организовал. Но налоги и рекет его задушили. В общем, - что

ни делал, - все без толку. И у меня появилось ощущение, что все погружается в какую-то трясиину безысходности. Надо было из нее вырываться. Вот я и оказался здесь.

Он говорил все это, изредка поглядывая на меня. Проверял, насколько интересна его исповедь собеседнику. В Израиле делиться с кем-либо подобными историями не принято. Здесь их слишком много. Для меня же такой рассказ был не только интересным. Он был поучительным. Глядишь, - можно будет примерить подобный «кафтан» и на себя...

Послушаем дальше, о чем говорит мой друг детства, гражданин Израиля:

- ...Все, кто сюда приезжает, проходят как бы три этапа. Первый и самый быстротечный: эйфория от супер-маркетов, тепла, моря, солнца, изобилия. Потом к этому привыкаешь и начинаешь понимать, что это все не твое. Чужое. Малодоступное. А основной проблемой второго периода я бы назвал языковой барьер. Иврит - сложная штука. Чем? Ну, хотя бы, тем, что в нем нет гласных. Точнее, они есть, но их опускают. Непонятно? Возьми слово «собака». Написано будет «сбк». Зачем гласные, когда в таком сочетании согласных могут быть только те, которые и образуют это самое понятие «собака»... На этом этапе многие ломаются. Ну и, наконец, последний, третий период начинается года через четыре. Наступает он незаметно, и ты вдруг начинаешь ощущать, что все окружающее из чужого становится твоим. И страна Израиль, и ее проблемы. Начинаешь понимать все, что вокруг происходит, о чем говорят прохожие на улицах, что говорит диктор телевидения. Находится работа. Появляются свободные деньги, и мысли об отпуске, о поездках. Это, так сказать, общие рассуждения. Тебя же интересует, как сложилось у нас... Впрочем, подожди... Давай послушаем других.



Эйлат - фешенебельный курорт на Красном море

Он чуть прибавил громкость приемнику и прислушался к тому, о чем вещал диктор.

- Да-да. Нужно съехать с трассы, - впереди затор. Что-то случилось, - местные гаишники сообщают об этом. Они контролируют ситуацию с помощью вертолета и видят далеко... Спасибо. Спасибо!- Виталий усмехнулся. - Ишь, какие вежливые! Попросят не волноваться тех, кто все-таки попал в пробку, и немного подождать. Она скоро рассосется.

Но я отвлекся. Итак, мы оказались здесь. О первом периоде говорить не буду, - он примерно у всех одинаков. А вот второй... Он был особенно труден для Машки. У нее началась ярко выраженная депрессия. Лежала на тахте целыми днями. Ни с кем не хотела разговаривать. Там у нее остался мальчик, друзья, подруги. А здесь - никого. Я нашел работу - посудомойщиком в ресторане. Восемь часов в день полоскал в горячей содовой воде грязные

миски, ложки. От этого у меня появились ревматические боли в суставах пальцев и ломота в пояснице. Было тяжело, - о чем говорить! Вот тогда мы и спасались этими заклинаниями: «Все пройдет. Пройдет и это». И действительно, время стало работать на нас. Машка, в конце концов, очнулась и первое, что решила сделать, - похудеть. Это здесь стоит дорого. На семейном совете постановили выделить средства... И она буквально себя перекроила - с 52-го размера одежды перешла на 44-й. У нее пошел язык. Поступила в Иерусалимский университет...

Впрочем, давай еще раз отвлечемся от моей семьи. За окном все-таки незнакомая для тебя страна. Смотри. Слева навес со стеллажами. Это автомастерская. Там никого сейчас нет, - слишком рано. Но весь слесарный инструмент, запчасти - на месте. Что-то с твоей машиной случилось, и можешь сам устранить поломку. А не можешь - есть телефон. Звони. Тут же появится мастер...

- Слушай, так растащат же все! Без замков, охраны, - перебиваю я Виталия.

- Нет. Израиль в этом отношении удивительная страна. Здесь не воруют. Мы даже квартиру редко запираем. И не боимся оставлять своих малышей одних. Они могут гулять на улице до темноты. Играют, бегают, сколько им вздумается. Никто их не обидит, не похитит.

Да, вернемся к Маше. На втором курсе познакомилась с хорошим парнем. Он американец, из Чикаго. Недавно поженились. Собираются к его родителям в гости. За Машкой потянулись мы все. Сменили квартиру на более просторную. Я устроился на хлебозаводе начальником смены. Работа интересная и платят нормально - пять-шесть тысяч шекелей в месяц. Женя работает в одной фирме по компьютерной части. Им довольны, и он тоже. Танюшка, жена моя, - ты ее, надеюсь, помнишь, - вместе за ней бегали когда-то. Она подрабатывает уходом за ста-

риками, присматривает за детьми в разных семьях. Это здесь для женщин наиболее распространенное занятие. Недавно ей исполнилось... В общем, круглая дата. Дети купили туристическую путевку и отправили мать в путешествие по столицам европейских стран - Париж, Рим, Лондон, Берлин...

...Виталий долго рассказывал о своей жизни, а мне вдруг на ум пришла одна старая, но когда-то очень известная притча. Ее любил вождь всех времен и народов. О двух лягушках, попавших в кувшин со сметаной. Одна лягушка сразу утонула. Другая барахталась до тех пор, пока не сбила сметану в масло и, благодаря этому, выбралась на волю. Вождь ставил в пример спасшуюся лягушку. А мне во время исповеди однокашника подумалось, что говорить в этом случае нужно, прежде всего, о содержимом кувшина. Оно должно помогать подняться тем, кто не опускает руки. Если же внутри кувшина болотная жижа, трясина, - летальный исход неизбежен. В болоте чем энергичнее дергаешься, тем быстрее тонешь...

И В РАЮ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Ее зовут Марина. Белокурая, худенькая, она рассказывала свою историю, всхлипывая и не стесняясь слез. Мне казалось, что место, где мы с ней находились, можно было бы назвать раем, если бы... Если бы не эти слезы. И еще, - как оказалось, - не все хотят жить в этих райских местах, и покидают их под различными предлогами.

Речь идет о моем посещении одного из старейших киббуцев в Израиле - Хагошрим, расположенного на крайнем севере страны. Хадаса и Арон Нехуштан - его старожилы. В то время они находились на службе в Днепропетровском отделении Сохнута, и меня встретила их со-



В киббуце Хагошрим

седка и лучшая подруга Хадасы - Клара. Она и стала моим добрым гидом на несколько дней.

Итак, Север Израиля. В десяти километрах - граница с Ливаном. Место, по нашим меркам, холмистое. По местным - гористое. Впрочем, гора Хермон, которая совсем рядом, имеет отметку 2224 м. Вполне достойная высота. Там даже расположен зимний горнолыжный курорт. Еще ближе к киббуцу знаменитые Голанские высоты. Они прямо-таки нависли над долиной. С военной точки зрения - все, что ниже их, может стать легкой добычей для тех, кто свой плацдарм расположит на соседних холмах и захочет отнять лакомый кусочек лежащей внизу земли.

Лакомым он стал совсем недавно, лет эдак пятьдесят назад, когда первые поселенцы взялись за дело. Тогда это было выгоревшее, пустынное, безводное плоскогорье. А сейчас?!

С Кларой совершаем пешее путешествие по терри-

тории киббуца, и не исчезает ощущение, что находимся где-то в районе Никитского ботанического сада. Для полной аналогии не хватает лишь рокота прибоя.

А моя спутница, для которой все эти тенистые аллеи, рощи, поляны стали как бы ее собственностью, рассказывает:

- Здесь была каменистая, совершенно непригодная для какой-либо деятельности, почва. Нам, группе польских эмигрантов, выделили ее именно поэтому. Хоршее уже кому-то принадлежало. Да нас трудности и не смущали. Скорее наоборот. Мы должны были делом доказать на что способны. После военной Европы (там каждый день для нас мог быть последним), попали в страну, где появилась перспектива, как говорится, завтрашнего дня, где все зависело от нас самих, наших рук. Они нас, как видите, не подвели...

И я действительно это вижу. Помимо прекрасного парка, где расположены жилые коттеджи, здесь есть еще плантации (что-то вроде наших колхозных полей), на которых выращиваются различные тропические фрукты и овощи. На экспорт. Есть завод по производству бытовой электротехники. (Особым спросом - даже за границей - пользуются сделанные там расчески для животных, уничтожающие насекомых).

А вот спортивный «уголок». Теннисные корты и прекрасный плавательный бассейн - хоть проводи в нем олимпийские заплывы. Только он сейчас закрыт, - не сезон, холодно, - температура всего плюс тридцать.

- Давайте посетим наши «джунгли», - предлагает Клара и тут же поясняет, - Так мы называем специально созданный - для экзотики - уголок Африки...

...Чистый быстрый ручеек петляет в бамбуковых зарослях, обвитых, как и положено в джунглях, лианами. Полумрак. Пахнет сыростью и... крокодилами. Однако

вместо аллигаторов на большой поляне, куда мы выходим через полчаса блуждания по этой полудикой природе, в просторных вольерах резвятся те, кто и должен был там жить на свободе, - обезьяны, павлины, попугаи. Ползают какие-то змеи, среди которых выделяется громадный, толстый, как бревно, питон.

- Это уголок юннатов. Здесь хозяева - дети. Тут - их царство. Они не только учатся ухаживать за животными, но и проходят как бы школу доброты и заботы о братьях наших меньших.

Да, воспитанию подрастающего поколения в киббуце уделяют огромное внимание (как, впрочем, и во всем Израиле). Помимо всевозможных, так сказать, обычных детских заведений - яслей, детсадов, школ, есть еще и компьютерные классы, художественные студии, технические кружки. Во время путешествия по киббуцу создается впечатление, что здесь найден способ, как растить, ну если не гениев, то, по крайней мере, талантливых, одаренных людей. Картины, написанные местными мастерами, барельефы, изделия из керамики, мозаичные панно, скульптурные композиции в дереве, металле, и даже мраморе, украшают стены квартир, фасады домов, аллеи парков.

Есть здесь свои поэты, писатели, композиторы. По вечерам, когда в аллеях загораются гирлянды разноцветных лампочек, на эстраде возле «джунглей» почти ежедневно (бесплатно!) дает концерт собственный музыкальный ансамбль, в котором играют и поют подростки...

Большую заботу проявляют и о стариках. Точнее - пожилых, (слово «старик» - не в почете.)

Имеется свой пансионат, где каждый его обитатель живет в отдельной комнате, либо в небольшой квартире с кондиционером, телевизором, холодильником.

Тем, кто едва ходит, выдается... - нет не палка, -

мотоколяска. Ими в пансионате занимаются! Кто хочет, что-то делает в мастерских или берет работу на дом. Кто не хочет, - может весь день смотреть телевизор. Впрочем, таких здесь практически нет.

Наконец мы попадаем в эпицентр рая, именуемого Хагошрим, - столовую. По нашим меркам это - первоклассный ресторан. Что необыкновенно: сверкающий кафель, мозаика. И самое главное - шведский стол. Изобилие всевозможных блюд. Бери, сколько хочешь и что хочешь. Проблема выбора - именно здесь начинаешь понимать, что она намного мучительнее проблемы дефицита, с которой мы непрерывно сталкиваемся у себя дома...

Наконец, с перегруженным всевозможными яствами подносом, я оказался за столиком, где находилась та миловидная женщина, со встречи с которой я и начал эту главу. Увидев количество тарелок, выставленных мною рядом с ее посудой, она усмехнулась.

- Чувствуется, что вы здесь новичок. Так ведут себя почти все, кто первый раз сюда попадает... Ешь - не хочу! За все уплачено! А мне это надоело.

И вдруг она заплакала. Так вот и получилось, что ее рассказ был к моему прекрасному ужину той ложкой дегтя, которая в таких случаях находится, и не обязательно возле бочки с медом. А она, всхлипывая, говорила:

- Я вижу, вы только оттуда приехали. Ни с кем я здесь своими проблемами не делюсь, а вот с вами почему-то захотелось. Я русская. И муж у меня русский. Я оказалась здесь из-за Сережи - моего сына. Мы сами сибиряки, из Тюмени. С моим мальчиком в прошлом году - ему тогда еще пяти не было - случилось несчастье. Он хлебнул серной кислоты. Ребенок умирал в страшных мучениях. Я подняла на ноги всех. Об этом случае знала вся Сибирь. Даже по останкинскому телевидению диктор поведал о моем горе. Мне сообщили, что есть одна бабка,

которая может все. Была я с малышом и у нее. Та сказала, что ребенка можно спасти, если он будет носить крестик... Крестик он надел, но лучше ему не стало. А потом неожиданно пришло приглашение из Израиля (это после сообщения по телевидению). Так, с нательным крестиком на шее, его и доставили в Иерусалимскую детскую клинику. Нужно было торопиться. Счет в его жизни шел уже буквально на часы. Сережу и меня с ним прямо с трапа самолета доставили «скорой помощью» в приемный покой этой больницы, где его ждала уже целая бригада врачей. Мальчика уложили на стол, и при мне стали быстро раздевать... И вдруг врачи буквально отпрянули от него. Я ничего сообразить тогда не могла, а затем подошел ко мне один из них и объяснил:

- Клиника частная, принадлежит евреям-ортодоксам, а ваш ребенок - с крестиком. Сами понимаете...

Этот же молодой врач помог перевести сына мгновенно в другую больницу (крестик я с него, конечно, тут же сняла) и там ему сделали несколько - одну за другой - сложных операций. На это ушло много времени - больше года. Ребенок стал поправляться, и нужно было уезжать, а он и слышать об этом не хотел. Сжимал кулачки и кричал: «Не хочу в руси, не хочу в руси!».

Он прекрасно освоил иврит и мог свободно на нем болтать, а Россия, или как он говорил «руси», - для него ассоциировалась с мучениями, которые он там перенес. Короче, - для него, или может из-за него, я осталась. Надолго ли? Не знаю. Нас приютил этот кибуц. Здесь хорошо, но я ужасно хочу домой. Страшно по всем соскучилась. Как я вам завидую, что вы скоро там будете... - и она снова заплакала...

Из Хагошрима я уезжал на следующий день. Клара помогла мне добраться на автовокзал соседнего городка Кирьят-Шмона, и я остался там один в ожидании своего рейса на Хайфу.

Времени было много, и чтоб его скоротать, я зашел в небольшое кафе.

Здесь в любом подобном заведении всегда в изобилии стоят запыленные, такие несчастенькие бутылки со спиртным. Коньяк, виски, водка всех сортов и наименований. Но... спроса на них нет, и они выполняют роль скорее декоративную, или какую-либо другую. Посетители заказывают, главным образом, чай, кофе, соки, наконец. И вдруг вижу... что это? Родная до слез картина. Молодой парень, забредший сюда одновременно со мной, заказывает 150 граммов водки! Сделал он это на чистом русском. Так и сказал:

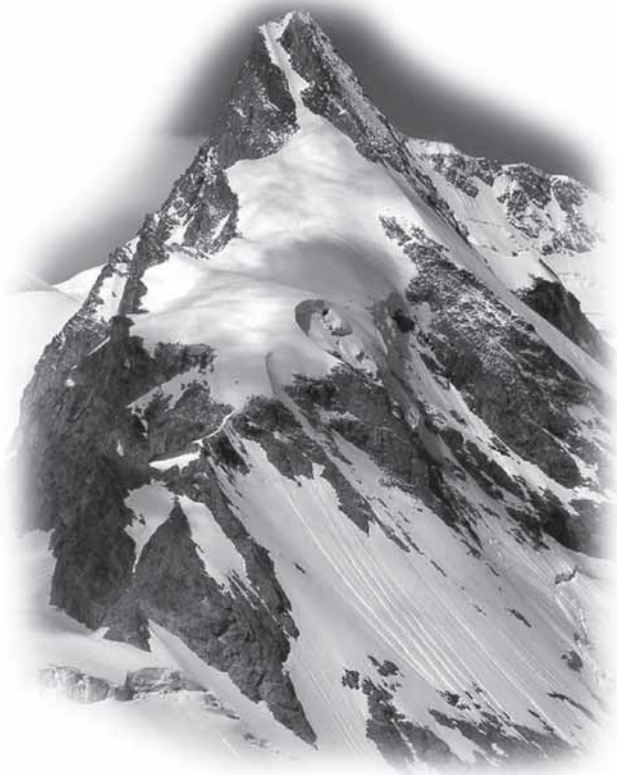
- Налейте стаканчик пшеничной.

Мы разговорились. Он тоже из этого киббуца. В кафе приезжает, чтоб расслабиться. Там так «расслабляться» неудобно. Слишком уж все положительные.

- Мне нужна разрядка. Понимаешь, что это такое? Когда вокруг столько хорошего, - это, наверное, не очень хорошо. Я хочу уехать оттуда. Вот раздам долги и - ауфвидерзейн! Поеду туда, где можно самому побороться за место под солнцем.

Я с удовольствием составил ему компанию и заказал себе столько же пшеничной. Мы чокнулись и выпили. Каждый за свое. Он - чтобы вырваться из рая, я - чтобы еще когда-нибудь, хоть раз, в него попасть...

**РОСЧЕРКОМ ПЕРА ВСЕЛЕННОЙ
ИЛИ
КАК УМИРАЮТ В ГОРАХ
(ВМЕСТО ЭПИЛОГА)**



Никогда не было так тяжело писать, как сейчас. Несколько раз принимался за работу и бросал недописанные, исчерканные странички. И лишь какое-то обостренное чувство долга, тяжесть невысказанной, неразделенной печали заставили довести, в конце концов, дело до конца.

Человек ушел в мир иной. А каким он был? Таким, каким его помнят другие? Но каждый помнит по-своему.

Для меня он останется таким, каким я увидел его в последние дни его жизни. Пусть таким он сохранится и в памяти тех, кто познакомится с ним лишь по этим строкам.

Он умер на рассвете, в палатке, установленной под кавказской вершиной Джан-Туган после восхождения на нее. Ничто не предвещало такого исхода. Ведь Володе Сидушкину - альпинисту-перворазряднику, кандидату технических наук - было всего сорок два года, и на здоровье он никогда ни жаловался.

Впрочем, слово «жаловался» в рассказе об этом человеке совершенно неуместно. Он был необыкновенно мягким, светлым, интеллигентным человеком, который никогда ни к кому не имел никаких претензий. Ну разве что к себе самому.

У него был ум аналитика, исследователя, и зачастую в качестве объекта своих исследований выбирал самого себя. Цель изысканий? Теперь мне кажется, - он искал, помимо всего прочего, пути ухода от того трагического предначертания, которое, видимо, ощущал.

Чтоб было понятно, о чем идет речь, следует вспомнить одну звездную ночь в горах Кавказа. Его предпоследнюю ночь.

Мы стояли тогда на высоком холме боковой морены ледника Джан-Туган. Было темно, но впереди далеко-далеко мерцала громада Эльбруса, а сзади поеживались в ознобе вершины Башкара и Джан-Туган. Над головой совсем низко раскинулся расцвеченный огнем спелых, крупных звезд и россыпью далеких вселенных небесный шатер.

Мы молча наслаждались этой осмысленной, насыщенной особой мудростью и гармонией, тишиной.

И вдруг он заговорил. Это были прекрасные стихи.

*Я человек,
И жизнь моя недолга,
А ночь огромна.
Но вверх смотрю я, видя:
Звезды пишут.
Не в силах понимать,
Я постигаю:
И я строкою вписан
В мирозданье,
И именно сейчас
Меня читает кто-то...*



Володя Сидушкин

Есть слова, которые входят в нас, как патроны

в обойму. Это было попадание в десятку. Лучше и точнее сказать о том, что каждый тогда ощущал, было невозможно.

Володя помолчал, а затем добавил:

- Это написал мексиканец Октавио Пас. Здорово, правда?

И вот сейчас, вспоминая те часы, я понимаю, что он тогда и пытался в звездном крошечке найти «запись», имеющую отношение к нему самому, к собственной жизни, собственным предчувствиям. Ведь счет для него шел на уже часы...

Сумел ли он расшифровать ту космическую информацию, которую, видимо, ощущал? Теперь на этот вопрос уже никто никогда не ответит.

Смерть - всегда тайна. Тайна для тех, кто остался на земле. И, наверное, она такой и должна остаться, так как есть границы нашего разума, за пределы которого путь нам всем заказан.

А что, все-таки, имеет смысл знать, контактируя с природой?

Ну, хотя бы ее язык. Она ведь с нами общается всеми доступными ей способами, и, наверное, следует к ним прислушиваться, присматриваться. Пытаться их расшифровать, учитывая в своих поступках. Вот, как меняется погода - от хорошей - к плохой - в том районе Кавказа, о котором здесь идет речь.

Все происходит точно по графику, который любезно вам сообщают горы на своем, естественно, языке. Первый сигнал идет на уровне подсознания. Вроде бы ничего еще не случилось, а в душе - дискомфорт. Вертишь головой, ищешь в ясном небе источник беспокойства и достаточно быстро его находишь: тонкие нити перистых облаков - цирусы. Это метастазы непогоды. Еще немного, - и небо превращается в выгоревшую тельняшку.



Облака над Эльбрусом

Солнце уже не греет. Светило словно остригли наголо: оно совершенно без лучей, и на него можно смотреть без темных очков. Да, тут все ясно: вам без каких-либо оговорок сообщили: делайте что хотите, но завтра все будет плохо.

И, чтоб не было сомнений, тут же дается дополнительная информация. На вершину Эльбруса, которая видна буквально с каждой точки ущелья, усаживается облако. Несмотря на сильный ветер, который вытягивает его в нечто похожее на фуражку, оно сидит на макушке горы словно приклеенное. Это уже штормовое предупреждение. До начала «светопреставления» остаются считанные часы...

Есть здесь еще и другие закодированные сигналы: сила и направление долинных ветров, пузыри во время

дождя на лужах, радуга в небе и прочее, и прочее. Но все же, главные сообщения для этих мест - те, о которых я рассказал выше, так как именно они были накануне последнего восхождения Володи на Джан-Туган. Знал ли он эту азбуку гор? Разбирался ли в ней? Да, безусловно! И, тем не менее, учесть в своих поступках ее он не смог. А может, не захотел? Ведь причины для этого были...

Ну, во-первых, взял верх дух экспериментатора (посмотреть, что получится, - как будут перенесены экстремальные условия), а во-вторых...

В мешанине наслоившихся друг на друга различных сомнений, предчувствий, переживаний, привезенных в горы из города, в наборе всевозможных отрицательных эмоций, так нелегко порой разобраться и выбрать ту главную линию поведения, которая соответствовала бы истинному положению вещей...

А еще он был легко раним. Быть может, защитные системы не вполне справились с тем, что выпало ему в последние дни жизни. Не хватило запаса прочности, и он вынужден был черпать силы из резервных, запредельных запасов организма. А это уже зона повышенной опасности.

Да, запас прочности крайне необходим, когда жизнь загоняет в угол, из которого, кажется, нет выхода...

Впрочем, об этом пресловутом запасе прочности вспоминаешь именно тогда, когда его нет. А если он есть, о нем и не думаешь вовсе, и ведешь себя так, будто ничего не случилось.

Как? Ну как, например, в эти же дни вели себя два диэпропетровца - Владимир Пестриков* и Павел Швец, совершавшие восхождение на соседнюю с Джан-Туганом

*Владимир Пестриков погиб в 2003 году в горах Каракорума при восхождении на вершину Хидден-Пик (8066 м).

вершину Башкара по маршруту высшей (шестой) категории сложности.

Опытная связка. Мастера спорта. Одними из первых среди наших альпинистов они ступили на путь профессиональных горных гидов. И вершину выбрали для себя, как спарринг-партнера для поддержания спортивной формы.

Подумаешь, была непогода и скалы, покрытые льдом! Просто пришлось двигаться медленнее, чем хотелось, и на вершину поднялись уже поздно вечером.

В тумане начали спуск не в ту сторону. Ну что ж, вместо отдыха в палатке пришлось ночь провести на уступе размерами с подножку трамвая. Не было теплых вещей? Не беда. Зато был плащ на двоих. Вполне достаточно, если прижаться друг к другу и им накрыться. Весь день без пищи? Так это даже полезно: суточное голодание.

Ошиблись на спуске? И такое бывает. Нужно снова подняться к вершине, потратив на это еще день, и там найти нужное направление...

Лет десять назад на этом же маршруте, примерно при таких же обстоятельствах, замерз во время холодной ночевки наш земляк Вадим Зюзин. У ребят же за эти два дня жизни на высоте под пять километров в условиях Крайнего Севера (и в одежде крайнего Юга) даже насморка не появилось.

Да, профессионалы есть профессионалы. А Володя Сидушкин, как, впрочем, и большинство из нас - как ни крути, - был любителем...

Но в то трагическое для него утро на помощь ему пришли, прежде всего, профессионалы, которые первыми начали битву за его жизнь, понимая одновременно всю безнадежность этого сражения...

Давайте послушаем рассказ опытной альпинистки



*Связка
В. Сидушкин - Ю. Шабрат
на ледовом склоне*

Веры Поповой (у нее в активе есть восхождение на пик Ленина), которой и было поручено разбудить в то утро Володю:

- Его звали на завтрак, а он не отвечал. Тогда я решила заглянуть к нему в палатку. Он был еще теплый, но зрачки на свет не реагировали, и зеркальце, которое я поднесла к его губам, не запотевало.

Мы его извлекли из палатки, начали сразу делать искусственное дыхание, массировать сердце.

Проходил час за часом, но все было напрасно. И мне казалось почему-то, что его душа витает над нами и просит: не мучайте мое тело! Оставьте его в покое...

Чтобы рассказ был полным, видимо, нужно добавить следующее. Своей смертью Володя поставил, сам того не ведая, еще один эксперимент: это была проверка друзей на преданность. Суровый, прямо скажем, им пришлось держать экзамен, но все его с честью выдержали.

Если б Сидушкин знал, сколько нервов, здоровья пришлось потратить Константину Ковалю, Сергею Солоду, Юрию Базелевичу, Юрию Приходько и многим-мно-

гим другим, чтобы сначала просто доставить его к местам, где есть дороги, организовать судебно-медицинскую экспертизу, изготовить цинковую упаковку, перейти через барьеры таможенных придинок и, наконец, преодолеть сотни и тысячи автомобильных и железнодорожных километров, чтобы перевезти его тело в родной город, - вряд ли бы он, при всей его мягкости и скромности позволил себе доставить друзьям столько хлопот...

* * *

После недельной паузы, связанной со всеми перипетиями по эвакуации умершего человека, альпиниада продолжила свою работу. Хотя и были сомнения: имеем ли мы моральное право на это?

Теперь, оглядываясь назад, понимаешь, что такое решение (продолжить сбор) было тоже победой. И не легкой - ведь нужно было как-то сломить создавшийся трагический настрой, который не должен сопровождать людей нигде, а тем более в горах, на восхождениях.

Верх тогда взяла пусть жестокая, но справедливая логика: жизнь и смерть всегда рядом. Они неразлучны, но дороги у них разные. Иногда их пути пересекаются. А затем жизнь идет своим чередом. Потому что она сильнее смерти...

Вот почему сборы завершили свою работу в сроки, намеченные еще дома, в Днепропетровске.

Альпинистский лагерь покидали такой же звездной ночью, как та, что была на леднике Джан-Туган, когда я впервые услышал стихи Октавио Паса. И вдруг, внезапно перечеркнув небо огненным шлейфом, за соседним гребнем скрылся падающий метеорит.

И подумалось: может быть, это и есть росчерк пера, которым вычеркивается или вносится в летопись мироздания чья-то судьба?

Впрочем, только вносится. Из этой книги никого не вычеркивают. Ведь наши души бессмертны. Они лишь на время уходят в Космос, чтоб затем снова появиться на Земле в чьем-то обличье.

Кто знает, быть может, это действительно так?..



СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	4
НА ЗАПАСНЫХ МАГИСТРАЛЯХ	5
ЗАДАЧИ СО ЗВЕЗДОЧКОЙ, ИЛИ КСТАТИ, О ФИЗИКЕ	27
ЭТО НЕПРОСТО: ХОДИТЬ НЕ ТАК, КАК ХОЧЕТСЯ, А КАК НУЖНО	35
ИГРА НА «ОГНЕННЫХ СТРУНАХ». В ГОРЯЧЕМ ЦЕХЕ КОМБИНАТА «КРИВОРОЖСТАЛЬ»	43
МЕЧТА О ЖЕЛТЫХ ТУФЛЯХ НА ТОЛСТОЙ ПОДОШВЕ С ЦВЕТНЫМИ ЗАВЯЗКАМИ	49
ВРЕМЯ УШЛО. ПЕСНИ ОСТАЛИСЬ... ПЕРВЫЙ КОНКУРС АВТОРСКОЙ ПЕСНИ	57
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАМЧАТКЕ. СОБАЧИЙ ВОЙ - ОН ЗВУЧИТ У МЕНЯ В УШАХ ПО СЕЙ ДЕНЬ	65
ВЕРШИНУ - В ЗНАК ПАМЯТИ. ПАМИРСКИЙ ПИК АКАДЕМИКА ЧЕКМАРЕВА	79
ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА	85
ИЗРАИЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ	93
РОСЧЕРКОМ ПЕРА ВСЕЛЕННОЙ, ИЛИ КАК УМИРАЮТ В ГОРАХ (ВМЕСТО ЭПИЛОГА)	125